

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

ПОДСКАЗЧИК

Пока Бог молчит, дьявол шепчет...

Звезды мирового детектива

Донатто Карризи

Подсказчик

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Карризи Д.

Подсказчик / Д. Карризи — «Азбука-Аттикус», 2009 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15374-5

Пять девочек исчезают одна за другой. Пять крошечных захоронений найдены на лесной опушке. В каждом – маленькая рука. Левая. С самого начала расследования у следователей возникает ощущение, что ими манипулируют, ведь каждая новая находка отсылает их к новому убийце. К делу привлекают Милу Васкес, специалиста по похищениям. И тут возникает теория, в которую никто не хочет верить... Захватывающий триллер известного итальянского писателя Донато Карризи «Подсказчик» публикуется в новом переводе.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-15374-5

© Карризи Д., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

1	7
2	11
3	16
4	24
5	28
6	36
7	42
8	50
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Донато Карризи

Подсказчик

© И. Заславская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Тюрьма [REDACTED]
Пенитенциарный округ № 45
Рапорт начальника, д-ра Альфонса Беранже
В канцелярию
Генерального прокурора
Ж. Б. Марена
Тема: КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
Уважаемый господин Марен!

Осмелюсь написать Вам о весьма странном случае, произошедшем с одним арестантом.

Речь идет о заключенном под номером РК-357/9. Мы называем его только по номеру, поскольку он не пожелал открыть нам свое имя.

Полиция задержала его 22 октября. Человек бродил ночью – один и без

[REDACTED]
одежды – по деревенской улице района .

Сопоставление отпечатков пальцев с теми, что содержатся в архивах, полностью исключает его соучастие в предыдущих правонарушениях, равно как и в преступлениях, оставшихся нераскрытыми. Однако упорный отказ назвать себя, в том числе и в зале суда, стоил ему приговора к четырем месяцам и восемнадцати дням тюремного заключения.

С момента поступления в исправительное учреждение заключенный РК-357/9 ни разу не нарушил дисциплину и неизменно соблюдал тюремный распорядок. По характеру этот человек довольно замкнут и не склонен к общению с окружающими.

Возможно, именно поэтому никто до сих пор не заметил странного поведения, лишь недавно привлекшего внимание одного из наших надзирателей.

Заключенный РК-357/9 протирает суконной тряпочкой все предметы, с которыми соприкасается, собирает все волоски, выпадающие у него за день, до блеска начищает столовые приборы и унитаз всякий раз после их использования.

Иными словами, мы имеем дело с маньяком гигиены или же – что более вероятно – с человеком, который ни под каким видом не желает оставлять органический материал.

Вследствие этого у нас возникли серьезные подозрения, что заключенный РК-357/9 совершил особо тяжкое преступление и намерен помешать нам получить анализ ДНК для его опознания.

До нынешнего дня он содержался в одной камере с другим заключенным, который явно содействовал ему в сокрытии биологических следов. Но мы пресекли это сообщничество, переведя его в одиночную камеру, о чем уведомляю Вас.

Прошу дать поручение Вашим подчиненным провести надлежащее расследование и при необходимости срочно получить постановление суда на взятие у заключенного РК-357/9 анализа ДНК.

Прошу также учесть тот факт, что через 109 дней (12 марта) срок его заключения истекает.

Заверяю Вас в моем нижайшем почтении,

начальник тюрьмы

д-р Альфонс Беранже

1

Место в окрестностях В. 5 февраля

Его доставил вертолет, который по памяти, словно ночная бабочка, уверенно летел сквозь ночь. Чуть трепетали пыльные лопасти, облетая засады гор, безмолвных, словно великаны, уснувшие плечом к плечу.

Над ними расстиралось бархатное небо. Внизу шумел густой лес.

Пилот обернулся к пассажиру и указал ему на громадный белый котлован в земле, похожий на раскаленное жерло вулкана.

Вертолет повернул в том направлении.

Спустя семь минут они приземлились на обочине автостреды. Магистраль была перекрыта, и район оцеплен полицией. Человек в синем костюме подошел встретить пассажира под самый винт, придерживая трепетавший на ветру галстук.

– Добро пожаловать, доктор, ждем вас, – постарался он перекрыть шум моторов.

Горан Гавила не ответил.

Спецагент Стерн продолжал:

– Пойдемте, я вам все объясню по дороге.

И они направились по неровной тропке, оставив за спиной гул вертолета, который снова взлетел, ввинчиваясь в чернильное небо.

Туманная завеса скользила, как саван, обнажая очертания холмов. Вокруг плыли растворенные в ночной влаге запахи леса, пронизывая одежду и добираясь до тела.

– Все было непросто, уверяю вас. Словами не передашь, это надо видеть.

Агент Стерн шел на несколько шагов впереди Горана, раздвигая ветви кустов, и, не оборачиваясь, продолжал рассказывать:

– Все началось сегодня утром, около одиннадцати. Двое ребятишек шли по тропинке со своей собакой. Входят в лес, поднимаются на холм и оттуда спускаются на поляну. Собака – лабрадор-ретривер, они любят копать, сами знаете... Словом, пес вдруг почуял что-то, стал сам не свой и как начал копать. Тут первый и вылез.

Горан сдерживал шаг, поскольку растительность на холме становилась все гуще, а сам склон – все круче. Он заметил у Стерна небольшую прореху на штанине, возле колена, – стало быть, этой ночью он немало побродил среди этих зарослей.

– Ребятишки, разумеется, сразу убежали и доложили местной полиции, – продолжал агент. – Те приехали, осмотрели местность, рельеф, стали искать улики. Все как положено. Потом кому-то стукнуло в голову выкопать другую яму – нет ли чего еще.... И вот он, второй! Тогда они вызвали нас. Мы ведь тут с трех часов торчим. Кто знает, сколь их там под землей? Ну вот, прибыли мы, значит...

Перед ними открылась небольшая поляна, освещенная прожекторами, – световое жерло вулкана. Внезапно запахи леса исчезли, и обоим в нос ударила характерная вонь. Горан поднял голову, потянул ноздрями:

– Фенол.

И увидел.

Круг небольших могил. И людей – человек тридцать – в белых комбинезонах, которые в этом марсианском галогеновом свете раскапывали ямы лопатками и осторожно расчищали их метелками. Кто-то прочесывал траву, кто-то фотографировал и записывал в журнал каждую находку. Движения их были замедленными, жесты – точными, обдуманскими, но словно бы под гипнозом, и всех окутывала какая-то сакральная тишина, которую время от времени нарушало лишь слабое щелканье вспрысков.

Горан выделил среди них агентов Сару Розу и Клауса Бориса. Еще там был Рош, старший инспектор, который узнал его и тут же широкими шагами двинулся навстречу. Он собирался что-то сказать, но доктор опередил его вопросом:

– Сколько?

– Пять. Каждая длиной пятьдесят сантиметров, шириной двадцать и пятьдесят глубиной... Что, по-твоему, хоронят в таких ямах?

Во всех одно и то же. Одно и то же.

Криминолог сверлил его глазами в ожидании ответа.

И дождался:

– Левую руку.

Горан обвел взглядом людей в белых комбинезонах, копошившихся на этом нелепом кладбище под открытым небом. Земля вернула только разложившиеся останки, но корень этого уходил в глубины времени, в нереальное бытие.

– Это они? – спросил Горан, хотя уже знал ответ.

– Судя по анализу ПЦР, это лица женского пола, белые, от семи до тринадцати лет.

Девочки.

Рош произнес эту фразу без всякого выражения. Будто долго сдерживал плевок, от которого горечь разлилась во рту.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Двадцать пять дней назад провинциальный журналчик поместил заметку: пропала ученица престижного интерната для детей богатых родителей. Двенадцатилетняя девочка по имени Дебби. Все решили, что это бегство. Одноклассники видели, как она выходила из школы после уроков. Ее отсутствие было замечено только во время вечерней переклички в дортуаре. Сюжет, изложенный снисходительным тоном, занял половину третьей полосы; в благополучном исходе поисков поначалу никто не сомневался.

Затем исчезла Анника.

Десятилетняя девочка из предместья с деревянными домиками и белой церковью. Решили, что она заблудилась в лесу, куда частенько ездила на велосипеде. В поисках приняли участие все жители пригорода. Но безрезультатно.

Прежде чем люди осознали, что произошло на самом деле, грянул третий случай.

Третью звали Сабина, самая маленькая. Семь лет. Случилось это в городе, в субботний вечер. Родители вместе с дочкой отправились в луна-парк, как и прочие семьи с детьми. Там, на карусели, она села на лошадку, рядом было полно других детей. Мать увидела ее на первом круге и помахала ей. На втором помахала снова. А на третьем Сабины уже не было.

Только тогда кое у кого мелькнула мысль, что пропажа трех девочек на протяжении трех дней – явно неспроста.

Были развернуты полномасштабные поиски. Последовали сообщения по телевидению. По городу поползли слухи, что действует один или несколько маньяков, возможно даже банда. По сути, сведения, дающие возможность выстроить более или менее обоснованную версию, у следствия отсутствовали. Полиция установила горячую линию для сбора информации, хотя бы и анонимной. Звонков было сотни; на их проверку ушли бы месяцы. Но никаких следов пропавших девочек так и не обнаружили. В комиссариате полиции никак не могли договориться, под юрисдикцию какого отдела попадает этот случай.

Наконец в дело вступила следственная группа по расследованию особо тяжких преступлений во главе со старшим инспектором Рошем. Поиски пропавших детей не входили в его компетенцию, но общий психоз достиг такого накала, что было решено сделать исключение.

Рош и его группа уже работали вовсю, когда исчезла четвертая девочка.

Мелисса была старше всех – тринадцать лет. Как и всем девочкам в округе, родители запретили ей выходить по вечерам, боясь маньяка, державшего в страхе весь город. Но это

вынужденное затворничество совпало с днем ее рождения, и у Мелиссы были на тот вечер свои планы. Они с подружками замыслили побег и решили провести вечер в местном боулинге. Все подружки явились. Не пришла только Мелисса.

После ее исчезновения началась охота на монстра, порой весьма сумбурная, несогласованная. Жители объединились, готовые самолично вершить правосудие. Полиция установила блокпосты на всех дорогах. Проверки всех бывших заключенных или подозреваемых в преступлениях, связанных с малолетними детьми, ужесточились. Родители не отпускали детей одних из дому даже в школу. Многие учебные заведения закрылись ввиду неявки учащихся. Люди покидали свои дома только в самых крайних случаях. Вечером, после восьми часов, города и деревни буквально вымирали.

Какое-то время известий о новых исчезновениях не поступало. И многие начали думать, что принятые меры предосторожности достигли желаемого эффекта – отпугнули маньяка. Но это было заблуждение.

Похищение пятой девочки стало самым скандальным.

Каролина, одиннадцать лет. Ее утащили прямо из постели, в которой она спала рядом с комнатой ничего не заметивших родителей.

Пять девочек за неделю! Потом семнадцать дней затишья.

До сего момента.

До этих пяти погребенных детских рук.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Горан уперся взглядом в круг этих могил. В жуткий хоровод ручек. Казалось, вот-вот зазвучит детская песенка.

– Теперь уже ясно, что это не простые исчезновения, – говорил Рош, подзывая к себе команду.

Обычная практика. Роза, Борис и Стерн подошли и стали слушать, опустив глаза в землю и сцепив руки за спиной.

– Я думаю о том, кто привел нас сюда в этот вечер. О том, кто все это предвидел. Мы здесь, потому что *он* так захотел, это *его* замысел. И все это он устроил для нас. Этот спектакль для нас, господа. Только для нас. Тщательно подготовленный спектакль. Он предвкушал этот момент и нашу реакцию. Хотел ошеломить. Показать, как он велик и всесилен.

Все закивали.

Кто бы он ни был, этот постановщик, его ничем не проймешь.

Рош, давно включивший Гавилу в группу как полноправного специалиста, вдруг заметил, что криминалист, глядя в одну точку, напряженно о чем-то думает.

– А ты, доктор, что скажешь?

И тогда Горан нарушил воцарившуюся тишину единственным словом:

– Птицы.

Поначалу никто его не понял.

А он после паузы невозмутимо продолжил:

– Я сначала не заметил, только сейчас обратил внимание. Странно. Послушайте.

Из тьмы леса доносилось птичье многоголосье.

– Поют, – удивленно проговорила Роза.

Горан обернулся к ней и кивнул.

– Реагируют на свет. Перепутали прожектора с солнцем. Вот и поют, – пояснил Борис.

– По-вашему, это и есть замысел? – спросил Борис, повернувшись к нему. – Или... пять зарытых рук. Конечности. Без тел. И вы считаете, в этом нет особого зверства. Нет тела – нет лица. Нет лица – нет человека, нет личности. Спрашивается, где же девочки? Ведь их тут нет, в этих ямах. Мы не можем заглянуть им в глаза и потому не ощущаем всей глубины трагедии. Ведь это, собственно говоря, не люди. Это лишь *части*... Они не могут вызвать сострадание.

Он не явил нам такой милости. Страх – вот наш удел. Нам не дано оплакивать этих малюток. Он лишь дал нам понять, что они мертвы. По-вашему, это имеет смысл? Стаи птиц кричат во мраке, который прорезал искусственный свет. Мы их не видим, а они наблюдают за нами – тысячи птиц. Что это? Вроде бы обычное явление. А на поверку – плод иллюзии. Вот и надо приглядеться к иллюзионистам: зло порой вводит нас в заблуждение, маскируясь под вполне *обычное* явление.

Все молчали. Казалось, криминалисту вновь удалось выявить вроде бы мимолетный, но навязчивый символический смысл. Тот, который прочие обычно не видят, или, как в данном случае, не слышат. Детали, контуры, нюансы. Тень от предметов, темная аура, в которой таится зло.

У каждого маньяка свой четкий почерк, в котором он обретает удовлетворение, которым гордится. Труднее всего понять его умонастроение. Затем и нужен Горан. Для того-то его и вызвали, чтобы он обнаружил это необъяснимое зло с помощью эффективных средств своей науки.

В этот момент к ним подошел рабочий в белом комбинезоне и растерянно доложил:
– Господин инспектор, тут еще кое-что... *Рук стало шесть.*

2

Учитель музыки заговорил.

Но ее поразило не это. Такое бывает. Многие одинокие личности высказывают свои мысли в заточении домашних стен. Миле и самой случалось говорить вслух, когда она бывала дома одна.

Нет. Новизна была в другом. Окупилась целая неделя сидения в промерзшей машине, припаркованной перед серым домом; неделя подглядывания в маленький бинокль за перемещениями человека лет сорока, пухлого и рыхлого, который спокойно курсировал по своей небольшой упорядоченной вселенной, повторяя одни и те же жесты, словно ткал ему одному видимый узор паутины.

Учитель музыки заговорил. Новым на сей раз было то, что он *произнес имя*.

Мила следила за тем, как буква за буквой слетают с его губ. Пабло. Это подтверждение, ключ, открывающий доступ в таинственный мир. Теперь она это знала.

Учитель музыки принимал гостя.

Еще десять дней назад Пабло был всего лишь восьмилетним быстроглазым мальчишкой с темно-русыми волосами, который раскатывал по кварталу на своем скейтборде. Это было неизменно: по всем поручениям матери и бабки Пабло гонял на скейте. Часами мог сновать на этой доске взад-вперед по улице. Для соседей, наблюдавших за ним в окно, малыш *Паблитто* (так его все называли) уже стал привычной деталью пейзажа.

Быть может, именно потому в то февральское утро никто из обитателей жилого квартала, знавших друг друга по именам и ведущих однообразную жизнь, ничего не заметил. На пустынной улице появился зеленый универсал «вольво» (недаром учитель музыки выбрал машину, похожую на прочие семейные фургоны на подъездных аллеях). Тишину – такой привычный атрибут субботнего утра – нарушали только ленивое шуршание шин по асфальту и стальное царапанье скейтборда, набирающего скорость. Пройдет шесть долгих часов, прежде чем кто-то заметит, что в звучании субботнего утра недостает именно этого царапанья и что малышка Пабло холодным солнечным утром поглотила ползучая тень, намертво оторвав его от любимого скейта.

Полицейские, которые после подачи заявления наводнили сонный квартал, окружили доску на четырех колесиках.

Это случилось всего десять дней назад.

Возможно, теперь уже поздно для Пабло. Для хрупкой детской души. Для того, чтобы без последствий вырвать его из кошмара.

Теперь скейт лежит в багажнике полицейской машины вместе с игрушками, одеждой, другими вещдоками, которые Мила буквально обнюхала, чтобы взять след, который привел ее к этой бурой норе. К учителю музыки, что преподает в высшем учебном заведении, а еще играет на органе в церкви утром по воскресеньям. Вице-президент музыкального общества, он каждый год проводит небольшой фестиваль, посвященный Моцарту. Застенчивый холостяк, очкарик с залысинами на лбу и мягкими влажными руками.

Мила рассмотрела его как следует. Наблюдательность – ее талант.

Она шла в полицию с вполне конкретной целью и, закончив академию, всю себя посвятила профессии. Уголовные элементы или закон как таковой ее не интересовали. Не для того она без усталости обшаривала каждый закуток, где незаметно кроется чья-то тень.

Прочитав имя Пабло по губам учителя, Мила почувствовала острую боль в правой ноге – то ли от многочасового сидения в машине в ожидании этого знака, то ли от раны на бедре, на которую пришлось накладывать швы.

«Ничего, потом займусь лечением», – пообещала она себе. Потом. А сейчас, едва в голове оформилась эта мысль, Мила приняла решение немедленно войти в тот дом, чтобы разрушить чары и прекратить этот кошмар.

– Докладывает агент Мила Васкес. Обнаружен подозреваемый в похищении малолетнего Пабло Рамоса. Проживает в доме бурого цвета, номер двадцать семь по бульвару Альберас. Возможны осложнения.

– Вас понял, агент Васкес. Направляем двоих патрульных, они будут у вас минут через тридцать.

Долго.

Тридцати минут у Милы нет. И у Пабло нет.

Страх оказаться лицом к лицу с формулой «слишком поздно» заставил ее двинуться по направлению к дому.

Голос из рации звучал далеким эхом, а она, держа пистолет у бедра и бдительно озираясь, мелкими быстрыми шагами добралась до белого забора, которым дом был обнесен только сзади.

Громадный белоствольный платан простер над ним свою крону. Листья то и дело меняли цвет, по воле ветра показывая серебристую изнанку. Мила подошла к деревянной калитке, прильнула к штакетнику, прислушалась. Время от времени в уши ударили волны рок-музыки, донесенные ветром бог знает откуда. Мила, вытянув шею, заглянула за калитку и окинула взглядом ухоженный сад, сарайчик, красный резиновый шланг, змеящийся по траве к дождевальной установке. Пластиковую мебель, газовую печь для барбекю. Все тихо. Лилово-сиреневые двери матового стекла. Мила протянула руку и откинула щеколду. Петли чуть скрипнули, когда она приоткрыла калитку ровно настолько, чтобы протиснуться в сад.

И тут же закрыла: если кто выглянет в окно, ничего не заметит. Все должно оставаться как было. Затем она пошла, как учили в академии, на цыпочках, чтобы не сминать траву, готовая ринуться вперед при малейшей необходимости. В несколько мгновений она была уже у черного хода, с той стороны, с которой тени не отбросить, даже если заглянешь в дом. Что она и сделала. Сквозь матовые стекла что-либо разглядеть трудно, но по очертаниям мебели понятно: это подсобка. Мила легонько коснулась дверной ручки и нажала. Послышался щелчок замка.

Открыто.

Учитель музыки наверняка чувствует себя надежно в берлоге, которую обустроил для себя и своего пленника. Вскоре Миле станет ясно зачем.

Линолеум на полу скрипел при каждом движении резиновых подошв. Она пыталась изо всех сил ступать потише, но вскоре поняла, что кеды лучше снять. Босая, она вошла в коридор и услышала его голос.

– Еще мне нужна упаковка кулинарной бумаги. И средство для чистки керамики... да, именно это... Потом купите мне шесть пакетов куриного супа, сахар, телепрограмму и две пачки сигарет «лайт», обычной марки.

Голос доносился из гостиной. Учитель музыки отдавал распоряжения по телефону. Слишком занят, чтобы выходить самому? Или не хочет оставлять без присмотра своего гостя?

– Да, дом двадцать семь, бульвар Альберас. Благодарю. И принесите сдачу с пятидесяти, а то у меня больше нет наличных.

Мила двинулась на голос, прошла мимо зеркала, отразившего ее в искаженном виде, как в комнате смеха. Когда подобралась к двери комнаты, напрягла руку с пистолетом, выдохнула и возникла на пороге. Она ожидала застичнуть его врасплох, быть может, спиной к ней и все еще с трубкой в руке, возле окна. Отличная была бы мишень.

Но нет.

Гостиная пуста, трубка лежит на аппарате как положено.

Мила поняла, что никто не говорил по телефону из этой комнаты, когда почувствовала на затылке холодное прикосновение дула.

Он подошел сзади.

«Дура!» – выругала она себя. Учитель музыки отлично обустроил свое логово. *Скрипнувшая* садовая калитка и звук шагов были сигналами постороннего присутствия. Затем он разыграл телефонный звонок, чтобы подманить жертву. А также *кривое* зеркало – оно помогло ему незаметно оказаться у нее за спиной. Все, чтобы заманить ее в ловушку.

Она почувствовала движение руки, протянутой за ее оружием, и выпустила его.

– Стреляй, но тебе все равно не уйти. Скоро здесь будет полиция, так что лучше тебе сдаться добровольно.

Он не ответил. Скосив глаза, она разглядела часть лица. Неужели он улыбается?

Учитель музыки отступил. Пистолет больше не упирался ей в затылок, но Мила не переставала чувствовать магнитное притяжение пули в затворе. Человек обошел ее сбоку и наконец оказался в поле зрения. Он долго смотрел на нее, не глядя в глаза. Что-то в глубине его зрачков показалось Миле входом в преисподнюю.

Учитель музыки спокойно повернулся к ней спиной и пошел к пианино, стоявшему у стены. Подойдя, сел на табурет и окинул взглядом клавиатуру. Затем положил оба пистолета на край, с левой стороны.

Руки взлетели вверх и тут же опустились на клавиши.

Комната наполнилась звуками Ноктюрна № 20 до-диез минор Шопена, и Мила едва не задохнулась от напряжения шейных мышц. Пальцы маэстро легко двигались по клавишам, заволакивая, гипнотизируя Милу нежностью звуков.

Пытаясь вернуть ясность сознания, она потихоньку скользила назад босыми пятками, пока вновь не очутилась в коридоре. Там перевела дух и немного успокоила бешено бьющееся сердце. Затем неотступно преследуемая мелодией, бежала все помещения. Кабинет. Ванную. Кладовку.

Добралась до закрытой двери.

Толкнула створку плечом. Рана на бедре отозвалась болью, и Мила перенесла упор на дельтовидную мышцу. Деревянная створка подалась.

Слабый свет из коридора разрядил завесу мрака в помещении, где окна казались заколоченными. Следуя за бликом света, Мила встретила взглядом с парой влажных испуганных глаз. Паблито сидел там, на кровати, подтянув ноги к худенькому тельцу. На нем были только трусики и майка. Судя по выражению лица, он пытался сообразить, стоит или нет бояться Милу, является ли и она частью его кошмарного сна.

– Пойдем отсюда, – сказала она то, что всегда говорила потерявшемуся ребенку.

Он закивал, вытянул руки и обхватил ее за шею. Мила прислушалась к звукам, доносившимся из гостиной: музыка продолжала свою погоню за ней. Ей вдруг стало страшно, что пьеса слишком скоро кончится и они не успеют уйти из дома. В сознании возникла новая тревога. Она рискует жизнью – своей и заложника. И теперь ей страшно. Страшно снова ошибиться. Страшно споткнуться на последнем шаге, который вынесет ее прочь из этой проклятой норы, и понять, что дом ее не выпустит, опутает коконом, навсегда сделает своей пленницей.

Однако дверь распахнулась, и они очутились в скудном, но утешительном свете дня.

Когда сердцебиение совсем унялось и она сумела выбросить из головы пистолет, оставшийся в доме, и крепче прижать Пабло к себе, согреть своим теплом, избавить от всех страхов, мальчик шепнул ей на ухо:

– А она с нами не пойдет?

Ноги вдруг отяжелели, как будто вросли в землю. Она пошатнулась, но равновесия не потеряла.

И спросила, сама не зная зачем, быть может подчиняясь осознанию, от которого стыла кровь:

– А где *она*?

Мальчик поднял руку и пальцем показал на второй этаж. Дом насмешливо, будто издеваясь, пялился на них всеми своими окнами и распахнутой дверью, которая только что выпустила их.

И тогда страх ушел совсем. Мила преодолела последние метры, отделявшие ее от машины. Усадив маленького Пабло на сиденье, она сказала ему тоном торжественного обещания:

– Я скоро.

И ее вновь поглотил дом.

Она опомнилась у подножия лестницы. Поглядела вверх, не задумываясь о том, что там найдет. И начала подъем, держась за перила. Шопен по-прежнему преследовал ее в этих поисках. Она одолевала ступеньку за ступенькой, не отрывая руки от перил, которые, казалось, удерживали ее на каждом шагу.

Музыка внезапно оборвалась.

Мила замерла и прислушалась. Потом сухо грянул выстрел, за ним последовал глухой звук падения и несколько беспорядочных нот, – учитель музыки упал на клавиатуру. Мила буквально взлетела на верхний этаж. У нее не было уверенности в том, что это не очередной обман. Лестница сворачивала на площадку, продолжением которой был узкий коридор, устланный ковровым покрытием. В глубине его виднелось окошко. А под ним – человеческое тело, казавшееся против света невероятно хрупким и тонким; ноги стоят на стуле; руки протянуты к свисающей с потолка петле. Мила увидела, как девушка пытается просунуть голову в эту петлю, и вскрикнула. Она тоже увидела Милу и заторопилась. Ведь именно так он сказал, именно так научил ее:

– Если они придут, убей себя.

«Они» – это все люди, внешний мир, те, кто не поймет и никогда не простит.

Мила метнулась к девушке в отчаянной попытке остановить ее. И чем ближе подбегала, тем больше ей казалось, что она бежит против часовой стрелки.

Много лет назад, в другой жизни эта девушка была маленькой девочкой.

Мила очень хорошо запомнила ее фотографию, поскольку основательно изучила ее, мысленно запечатлела каждую черточку, каждую складочку, занесла в реестр каждую особую приметку вплоть до малейших изъязнов на коже.

И глаза... Голубые, с золотистыми искорками. Способные сохранить сверканье вспышки. Глаза десятилетней девочки Элисы Гомес. Сфотографировал ее отец, украдкой, в праздник, когда она разворачивала подарок, не обращая внимания ни на что другое. Мила представляла себе, как отец окликает девочку и неожиданно щелкает аппаратом. Элиса даже не успевает удивиться. Выражение, запечатленное камерой, не передать словами: волшебное приближение улыбки, прежде чем она расцветет на губах и заиграет во взгляде, как только что народившаяся звезда.

Ничего удивительного, что родители Элисы Гомес дали именно эту фотографию, когда Мила попросила у них недавний снимок. Нельзя сказать, чтоб он подходил для поставленной цели: на нем выражение лица Элисы было неестественным, и потому едва ли по нему можно было составить представление о том, как изменилось это лицо с годами. Коллеги Милы, задействованные в расследовании, остались недовольны. Но Мила проигнорировала их ворчание, так как чувствовала энергию, исходящую от этого снимка. Именно на нее она будет ориентироваться. Не на лицо среди многих лиц, лицо обычной девочки, одной из многих, а именно на *эту* девочку с *этим* огнем в глазах. Если, конечно, за это время кто-нибудь не погасил его.

Мила едва успела схватить ее за ноги, прежде чем тело всей тяжестью повисло на веревке. Она извивалась, упиралась, пыталась кричать. Пока Мила не назвала ее по имени.

– Элиса, – сказала она с нежностью.

И та узнала себя.

Хотя забыла, кто она такая. Годы плена искоренили все приметы личности. Они отхватывали каждый день по кусочку, пока не внушили ей, что этот человек – ее семья, а остальной мир вычеркнул ее из своих списков.

Элиса с недоумением посмотрела Миле в глаза. И успокоилась, позволила себя спасти.

3

Шесть рук. Пять имен.

С этой загадкой опергруппа покинула лесную поляну, переместившись в стоящий на дороге фургон. Горячий кофе с бутербродами не слишком вязался с возникшей ситуацией, хотя и был призван хоть как-то взбодрить присутствующих.

Впрочем, никто в это холодное февральское утро и не подумал протянуть руку к еде.

Стерн вытащил из кармана коробочку с мятными пилюлями и вытряхнул две на ладонь, а затем отправил прямо в рот. Сказал, что они помогают ему думать.

– Как это возможно? – добавил он, обращаясь больше к себе, чем к другим.

– Скотство! – почти неслышно вырвалось у Бориса.

Роза искала в фургоне точку, на которой можно было бы сосредоточить внимание. Горан заметил это. Он понимал, что ее мучает: у нее дочь – ровесница тех девочек. Когда сталкиваешься с преступлениями против малолетних, прежде всего думаешь о своих детях. Спрашиваешь себя: что, если... Но не даешь себе закончить этот вопрос, потому что от одной мысли плохо становится.

– По кускам выдает, – пробормотал старший инспектор Рош.

– Мы для этого здесь? Собирать трупы? – с досадой спросил Борис, человек действия, не представлявший себя в роли могильщика.

Он рассчитывал на поимку преступника. Остальные закивали в такт его словам.

– Разумеется, главное – найти виновного, – успокоил их Рош. – Но мы не можем уклониться от поиска останков.

– Это все нарочно.

Все уставились на Горана в недоумении.

– Лабрадор, который учуял и раскопал руку, входит в планы преступника. Он наблюдал за ребятами с собакой и знал, что они пойдут гулять в лес. Потому и разместил там свое маленькое кладбище. Идея проста. Он завершил свое «дело» и показал его нам – вот и все.

– То есть нам его не схватить? – вспыхнул Борис, не в силах поверить тому, что услышал.

– Вам лучше меня известно, как делаются подобные вещи.

– Но ведь он не успокоится? Он снова будет убивать? – Роза тоже не желала мириться с этим. – На сей раз выгорело, значит он попробует еще.

Она ждала возражений, но Горан молчал. Даже будь у него готовый ответ – как найти слова, чтобы выразить: с одной стороны, конечно, это жуткое зверство, а с другой – хочется, чтобы оно повторилось. Поскольку нет другой возможности схватить преступника, если он не проявит себя снова, и все они это понимали.

Старший инспектор Рош вновь подал голос:

– Обнаружив тела, мы хотя бы дадим родителям возможность устроить похороны и навещать могилу.

Рош, по обыкновению, вывернул вопрос наизнанку, представив его в политкорректном виде. Он уже репетировал пресс-конференцию, на которой надо будет смягчить подробности и позаботиться о собственном имидже. Прежде всего скорбь – чтобы выиграть время. А уж потом расследование и виновные.

Но Горан заранее знал, что ничего у Роша не выйдет: журналисты все равно примутся обсасывать каждую деталь этой истории и непременно подадут ее под кровавым соусом. Уж теперь-то они ему ничего не спустят: каждый его жест, каждое слово будет истолковано как торжественное обещание. Рош уверен, что сумеет удержать в узде репортеров, изредка подбрасывая им то, чего они так жаждут. Горан оставил старшего инспектора пребывать в этой зыбкой иллюзии.

– Надо придумать, как обозвать этого типа, пока пресса на нас не накинута, – заключил Рош.

Горан был согласен, но по другой причине. У доктора Гавилы, как у любого криминалиста, сотрудничающего с полицией, были свои методы. Первый – приписывать преступнику черты, позволяющие превратить неясную, неопределенную фигуру в нечто человеческое. Ибо перед лицом столь жуткого, столь бессмысленного зла людям свойственно забывать, что преступник – такой же *человек*, как и его жертва, что он зачастую живет нормальной жизнью, имеет работу, а то и семью. Обосновывая свой тезис, доктор Гавила то и дело напоминал студентам в университете, что всякий раз, когда случалось изловить серийного убийцу, его соседи и домашние были до крайности удивлены.

«Мы называем их чудовищами, поскольку чувствуем, как далеки они от нас, и мы хотим их видеть другими, – говорил он на семинарах. – А они всем и во всем похожи на нас. Чтобы как-то оправдать человеческую природу, мы отказываемся верить, что наш ближний способен на такое. Антропологи называют этот фактор „деперсонализацией преступника“. Это как раз и представляет собой главное препятствие в поимке серийного убийцы. Человека можно поймать, потому что у него есть слабые места. У монстра их нет».

В аудитории у Горана всегда висела одна и та же черно-белая фотография ребенка. Маленького, пухленького, беззащитного человеческого детеныша. Студенты, видя ее каждый день, проникались нежностью к этому изображению. И когда (обычно где-то в середине семестра) кто-то из них, набравшись смелости, спрашивал, кто это, Горан призывал их угадать. Догадки были самые разнообразные и причудливые. А он веселился, глядя на их лица, после того как объявлял, что, вообще-то, это Адольф Гитлер.

После войны вождь нацизма стал в коллективном сознании чудовищем, и народы-победители не желали воспринимать его иначе. Вот почему детских фотографий фюрера никто не знал. Монстр не может быть ребенком, не может внушать иных чувств, кроме ненависти, не может жить такой же жизнью, как его сверстники, ставшие жертвами.

«Очеловечить Гитлера значило бы каким-то образом объяснить его, – говорил Горан студентам. – Но общество пребывает в убеждении, что высшее зло объяснить и понять нельзя. Ведь любая попытка объяснения в какой-то мере оправдывает это зло».

В фургоне опергруппы Борис предложил присвоить строителю этого кладбища рук имя Альберт, в память о старом деле. Предложение вызвало у присутствующих улыбку, и решение было принято.

Отныне все члены опергруппы будут называть убийцу этим именем. И день за днем Альберт начнет обретать черты. Нос, глаза, лицо, собственную жизнь. Каждый станет представлять его по-своему, но уже во плоти, а не как ускользающую тень.

– Альберт, значит?

После совещания Рош все еще мысленно взвешивал медийный эффект этого имени, обкатывал его во рту, словно пробовал на вкус. А что, может быть.

Но старшего инспектора неотступно терзала другая мысль. И он поделился ею с Гораном.

– Если хочешь знать, я согласен с Борисом. Боже правый! Ну не могу я заставлять моих людей искать трупы, в то время как этот психопат всех нас выставляет дураками!

Горан понимал, что, говоря о «своих людях», Рош прежде всего имеет в виду себя. Ведь это на него посыплется все шишки за отсутствие результата, именно его станут обвинять в неэффективности действий федеральной полиции, неспособной поймать убийцу.

К тому же оставался нерешенным вопрос с шестой рукой.

– Я решил пока не разглашать новость о существовании шестой жертвы.

Горан оторопел:

– Как же мы тогда узнаем, кто это?

– Я все продумал, не волнуйся.

За время своей службы Мила Васкес раскрыла восемьдесят девять дел, связанных с пропавшими людьми, за что получила три медали и массу благодарностей. Ее считали экспертом в этой области и нередко приглашали консультировать даже за границу.

Нынешняя операция по одновременному освобождению Пабло и Элисы стала очередным громким успехом. Мила молча принимала поздравления: они ее раздражали. Она была готова признать все свои ошибки. Скажем, то, что вошла в серый дом, не дождавшись подкрепления. Недооценила обстановку и возможные ловушки. Подвела под угрозу и себя, и заложников, позволила подозреваемому разоружить ее, приставив пистолет к затылку, и, наконец, не предотвратила самоубийство учителя музыки.

Но начальство закрывало на все это глаза, выпячивая ее заслуги перед журналистами, наперебой старавшимися непременно увековечить ее на снимках.

Мила всегда уклонялась от этих вспышек, под тем предлогом, что следует хранить анонимность для будущих расследований. На самом деле она не выносила фотографироваться. Она даже свое отражение в зеркале видеть не могла. И не потому, что природа обделила ее красотой, вовсе нет. Но к тридцати двум годам изматывающие часы в спортзале начисто искоренили в ее облике всякую женственность. Все округлости, любую мягкость. Слово женственность – это зло, с которым надо бороться. Мила и одевалась чаще всего по-мужски, хотя мужеподобной не выглядела, нет, просто ее вид отметал обычные представления о том, как должна выглядеть женщина, чего она и добивалась. Ее одеяния были бесполоми: не слишком облегающие джинсы, потрепанные кроссовки, кожаная куртка. Есть чем согреться, наготу прикрыть – и хорошо. Она не тратила время на выбор тряпок: зайдет в магазин, купит первое попавшееся – и ладно, остальное не важно. Вот такая сверхзадача.

Быть невидимкой среди невидимок.

Может быть, потому ей удавалось пользоваться мужской раздевалкой с другими агентами участка.

Мила уже минут десять стояла перед открытым аптечным шкафчиком, перебирая в памяти события сегодняшнего дня. Кажется, она собиралась что-то сделать, но сейчас мыслями унеслась далеко. Лишь режущая боль в бедре вернула ее к реальности. Рана снова открылась; Мила пробовала остановить кровь тампоном, залепила ее пластырем, но все было напрасно. Порез слишком глубокий – иглой и ниткой края не стянешь. Наверное, все-таки надо показаться врачу, но так не хочется в больницу. Там будут задавать слишком много вопросов. Она решила наложить повязку потуже: может, это остановит кровотечение, – а потом еще раз попробует зашить. Так или иначе, надо принять антибиотик, чтоб не было заражения. Агент, который время от времени поставлял ей новости о новичках в кругу бомжей на вокзале, добудет ей липовый рецепт.

Вокзалы.

Странно, подумала Мила, для большинства людей это перевалочный пункт, а для некоторых – конечный. Они оседают там и никуда оттуда не двигаются. Вокзал – нечто вроде преисподней, где собираются заблудшие души в ожидании, что кто-нибудь придет и заберет их.

Каждый день в среднем пропадают двадцать пять человек. Статистика известная. Люди вдруг перестают подавать о себе вести. Исчезают без предупреждения, не взяв с собой багажа. Как будто растворяются в небытии.

Мила знает, что по большей части это отбросы общества, наркоманы, мошенники, всегда готовые нарушить закон, те, кто не вылезает из тюрем. Но есть среди них и такие (инородное меньшинство), кому в определенный момент их жизни понадобилось навсегда исчезнуть. Как той матери семейства, что пошла за продуктами в супермаркет и не вернулась домой, или сыну, брату, что сели в поезд, но до пункта назначения так и не доехали.

По мнению Милы, у каждого из нас своя дорога. Дорога, ведущая домой, к любимым людям, ко всем нашим главным привязанностям. Эта дорога, как правило, одна, по ней мы учимся ходить и по ней всю жизнь ходим. Но бывает, этот путь обрывается. Порой начинается вновь, но с другого конца. Иной раз мы, после того как с трудом прорубили этот путь, возвращаемся к точке обрыва, а то он так и останется прерванным.

Порой кто-то заблудится во тьме.

Мила знает, более половины исчезнувших возвращаются обратно с готовой историей. А некоторые даже не утруждают себя рассказами – просто возобновляют прежнюю жизнь. От тех, кому повезло меньше, остается лишь остывшее тело. И наконец, есть такие, о ком никто никогда ничего не узнает.

И среди них обязательно есть дети.

Родители порой готовы отдать жизнь, желая выяснить, что же стряслось на самом деле. В чем они ошиблись. На что отвлеклись и что привело к трагедии неизвестности. Что случилось с их детенышем. Кто его похитил и зачем. Одни допытываются у Бога, за что они так наказаны. Другие изводят себя до конца дней, ища ответ, а чаще всего так и умирают, не дождавшись ответа на вопрос. «Скажите мне хотя бы, жив он или мертв», – умоляют они. Они плачут, ведь им нужно только это. Смириться они не могут, им надо лишь перестать надеяться. Потому что надежда убивает медленнее всего.

Мила не верит в байки о том, что правда несет облегчение. Она испытала это на своей шкуре, когда в первый раз нашла пропавшего. И вновь испытала в тот день, когда отвезла домой Пабло и Элису.

Мальчика весь квартал встретил криками радости, симфонией клаксонов, кружением машин.

Элису – нет: слишком много времени прошло.

После освобождения из плена Мила доставила ее в специализированный центр, где ею занялись работники социальной службы. Ее накормили, дали чистую одежду. Почему, интересно, она всегда оказывается на один-два размера больше, недоумевала Мила. Быть может, потому, что годы забвения истощили этих несчастных, и если б они не нашлись, то, наверное, вовсе бы растаяли.

Элиса за все время не проронила ни слова. Она позволила ухаживать за собой, принимая все, что с ней делали. Потом Мила объявила, что отвезет ее домой. Элиса и тогда ничего не сказала.

Глядя в аптечку, офицер полиции вспоминала лица родителей Элисы Гомес, когда она с ней ступила на порог дома. Те были не подготовлены и слегка смущены. Возможно, они думали, что им привезут девочку десяти лет, а не взрослую девушку, с которой у них нет ничего общего.

Элиса росла умной, не по возрасту развитой. Первым словом, которое она произнесла, было «Мэй», имя ее плюшевого медвежонка. А мать запомнила и последнее – когда они расставались – «до завтра»: так она сказала, отправляясь ночевать к подружке. Но «завтра» для Элисы Гомес так и не наступило. Ее «вчера» стало одним нескончаемым, растянувшимся на много лет днем.

В этот долгий день Элиса для своих родителей оставалась десятилетней девочкой, что жила в комнате, полной кукол и рождественских подарков, сложенных у камина. Она останется навсегда такой, какой ее запомнили, увековеченной на фото памяти, пленницей волшебных чар.

Пусть Мила и нашла ее, но родители по-прежнему продолжают ждать свою потерянную девочку и не знают покоя.

После объятий, сдобренных несколько дежурными слезами, госпожа Гомес пригласила их в дом и предложила чаю с печеньем. С дочерью она вела себя как с гостьей – быть может, в тайной надежде, что та уйдет, нанеся визит, и оставит их с мужем в привычном уединении.

Мила всегда сравнивала печаль со старым шкафом, от которого хочешь избавиться, но он все-таки остается на месте, распространяя по комнате запах старой мебели. И со временем к нему привыкаешь, вбираешь его в себя.

Элиса вернулась, и ее родителям надлежит снять траур и возместить окружающим все сострадание, которым они были окружены все эти годы. Причин печалиться у них больше не будет, но хватит ли смелости поведать миру о том, как тяжело жить в доме с чужим человеком?

После часа, ушедшего на соблюдение приличий, Мила поднялась, чтобы попрощаться, но во взгляде матери ей почудился призыв о помощи. «Что же мне делать?» – безмолвно выкрикнула женщина, оказавшись лицом к лицу с новой реальностью.

Миле тоже надо признать горькую правду. Элиса Гомес нашлась чисто случайно. Если б ее похититель спустя годы не решил увеличить «семью» за счет Паблито, никто бы и не узнал, как обстоит дело. И Элиса навсегда осталась бы в мире, сотворенном только для нее волею безумного тюремщика. Сначала как дочь, потом как верная жена.

С этой мыслью Мила закрыла шкафчик. «Забудь, забудь, – сказала она себе. – Это единственное лекарство».

Квартал постепенно пустел, и ей захотелось домой. Там она примет душ, откупорит бутылку портвейна, поджарит каштаны на газовой плите, сядет у окна гостиной смотреть на дерево и, если повезет, задремлет на диване.

Но стоило ей заторопиться к этой желанной награде – вечеру в одиночестве, – как в раздевалке появился один из ее коллег.

Ее вызывает сержант Морешу.

В этот февральский вечер улицы влажно блестели. Горан открыл дверцу такси. Машины у него не было, водительских прав тоже, и он предоставлял другим доставлять его куда надо. Не то чтобы он совсем не умел водить – нет, он пробовал, и у него получалось, но человеку, привыкшему погружаться в собственные мысли, за руль лучше не садиться. И Горан поставил на этом крест.

Расплатившись с водителем, он выставил на тротуар ноги в ботинках сорок четвертого размера, затем вытащил из пачки третью за день сигарету. Закурил, дважды затянулся и выбросил. Такую привычку он выработал, с тех пор как решил бросить курить, – своего рода компромисс, попытка обмануть потребность в никотине.

Он вышел из машины и, наткнувшись взглядом на свое отражение в витрине, какое-то время рассматривал его. Нечесаная борода, обрамляющая усталое лицо. Круги под глазами, шапка спутанных волос. Он сознавал, что не слишком следит за собой. Следят за собой, как правило, совсем другие мужчины.

По общему мнению, самой поразительной чертой Горана было его долгое загадочное молчание.

А еще глаза, огромные, внимательные.

Скоро ужин. Он медленно поднялся по лестнице. Вошел в свою квартиру, прислушался. Через несколько секунд, когда он привык к этой новой тишине, он различил знакомый ласковый голос Томми, который играл у себя в комнате. Горан пошел на звук, но застыл на пороге, не решаясь прервать его.

Томми девять лет, беззаботный возраст. У него каштановые волосы, он любит все красное, баскетбол и мороженое, даже зимой. Есть у него задушевный друг, Бастиан, с которым он устраивает фантастические «сафари» в школьном саду. Они оба скауты и нынешним летом собираются вместе в лагерь. Последнее время все разговоры только об этом.

Глаза, огромные, внимательные.

Томми заметил Горана, стоявшего в дверях, и с улыбкой обернулся.

– Поздно, – укорил он.

– Знаю! Дела... – извинился Горан. – Госпожа Руна давно ушла?

– Сын заехал за ней полчаса назад.

Горан разозлился: госпожа Руна уже несколько лет служит у него гувернанткой и потому должна знать – он не любит, когда Томми остается дома один. Подобная ситуация иной раз наводит его на мысль о том, что дальше так продолжаться не может. Но одному ему не справиться. Похоже, единственный человек, обладавший некой таинственной силой, который все умел и все успевал, забыл перед уходом оставить ему шпаргалку с магическими формулами.

Надо наконец объяснить все госпоже Руне, причем объяснить доходчиво. Он скажет ей, чтобы она непременно дожидалась его, когда он задерживается. Томми почувствовал, о чем он думает, и нахмурился, поэтому Горан тут же попытался отвлечь его:

– Есть хочешь?

– Я съел яблоко, пачку крекеров и выпил стакан воды.

Горан с усмешкой качнул головой:

– Не слишком плотный ужин.

– Это полдник. Я бы еще чего-нибудь съел.

– Спагетти.

Томми радостно захлопал в ладоши. Горан потрепал его по макушке.

Вместе они приготовили пасту и накрыли на стол, как люди, ведущие общее хозяйство в семье, где у каждого свои обязанности и каждый выполняет их, не спрашивая остальных. Его сын быстро учится, Горану есть чем гордиться.

Последние месяцы были нелегкими для них обоих. Жизнь могла расползтись по швам, но он старательно соединял их, терпеливо завязывая узлы. Выработал распорядок дня на случай, когда его не было дома. Еда по часам, четкое расписание, утвердившиеся привычки. С этой точки зрения ничто не изменилось по сравнению с прошлым. Все повторялось в том же виде, и это внушало Томми уверенность.

В конце концов, они учатся оба, друг у друга, учатся сосуществовать с пустотой и при этом не закрывать глаза на действительность. Если у кого-то из них появляется потребность высказаться, он высказывается.

Единственное, что им не удастся, – назвать пустоту по имени. Потому что этого имени уже нет в их словаре. Они используют другие названия, другие выражения. Это странно. Человек, дающий имена серийным убийцам, не знает, как назвать ту, что когда-то была его женой, и позволил сыну обезличить свою мать. Как будто она персонаж из сказок, которые он читает Томми каждый вечер.

Томми – единственный противовес, удерживающий его в этом мире. Без него было бы так легко соскользнуть в бездну, которую он каждый день исследует снаружи.

После ужина Горан удалился к себе в кабинет. Томми пошел за ним. Это их ежевечерний ритуал. Он садится в старое скрипучее кресло, а сын ложится на ковер, и у них начинаются вымышленные диалоги.

Горан обвел взглядом свою библиотеку. Книги по криминологии, криминальной антропологии, судебной медицине заполнили все шкафы. Некоторые в тисненых переплетах, с золотым обрезом, другие попроще, но тоже в добротных обложках. Внутри содержатся ответы. Однако самое трудное, как он всегда говорил ученикам, – это задать вопросы. В книгах много снимков, переворачивающих душу. Раны, язвы, следы пыток, ожоги, расчлененные тела. Все датировано, запотоколировано; под каждым четкая подпись. Человеческая жизнь, холодно-кровно превращенная в объект исследований.

Еще недавно Горан не позволял Томми входить в это святилище. Боялся, что мальчик не совладает с любопытством и, открыв наугад одну из книг, поймет, как жестока бывает жизнь. Но однажды Томми нарушил запрет, и Горан застал его лежащим на ковре, вот как сейчас, листая научный том. Горан до сих пор помнит, как Томми застыл над изображением молодой женщины, выловленной из реки зимой. Она была голая, синяя, с неподвижными глазами.

Похоже, снимок ничуть не испугал Томми, и вместо того чтобы дать сыну нагоняй, Горан, скрестив ноги, уселся рядом на ковер.

– Знаешь, что это?

Томми довольно долго молчал, словно припоминая. А потом невозмутимо перечислил все, что увидел. Точеные руки, волосы, подернутые инеем, взгляд, блуждающий бог знает где. И даже начал придумывать, чем она зарабатывала на жизнь, с кем дружила, где жила. И Горан понял: его сын разглядел на этом снимке все, кроме одного. Кроме смерти.

Дети не замечают смерти. Потому что их жизнь длится один день – от момента пробуждения до того, когда надо идти спать.

В тот момент Горан вдруг почувствовал, что не сумеет защитить сына от вселенского зла. Точно так же, как годы спустя так и не сумел оградить его от зла, причиненного матерью.

Сержант Морешу был не похож на прежних начальников Милы. Ему наплевать на славу и фотографии в газетах. Поэтому Мила ожидала порицания за то, как проведена операция в доме учителя музыки.

Морешу был импульсивен и в поступках, и в смене настроения. Он секунды не мог удерживать обуревающие его чувства. Поэтому гнев и раздражение мгновенно сменялись у него улыбчивостью и любезностью. И чтобы не терять времени, он совмещал противоречивые действия. Скажем, хочет утешить, кладет руку тебе на плечо и одновременно подталкивает к двери. Или, например, разговаривает по телефону и трубкой чешет висок.

Но на сей раз он не торопился.

Сестр не предложил, Мила так и осталась стоять. Затем вытянул под столом ноги, сцепил пальцы рук и надолго вперил в нее взгляд.

– Едва ли ты отдаешь себе отчет в том, что сегодня произошло.

– Знаю, я допустила много ошибок, – признала Мила, опережая его.

– Нет, ты спасла троих человек.

Она застыла, будто ее парализовало.

– Троих?

Морешу потянулся в кресле и опустил глаза на лежащий перед ним лист бумаги.

– В доме учителя музыки найдена записка. Судя по всему, он собирался похитить еще одну...

Сержант протянул Миле фотокопию страницы ежедневника. Дата, а под ней написано имя.

– Присцилла? – спросила она.

– Присцилла, – откликнулся Морешу.

– Кто такая?

– Девочка, которой повезло.

Больше он ничего не сказал, потому что сам не знал ничего. Ни фамилии, ни адреса, ни фотографии. Ничего. Только имя. Присцилла.

– Поэтому кончай себя казнить. – И, не давая Миле времени ответить, добавил: – Я наблюдал за тобой на пресс-конференции. У тебя был такой вид, словно тебе все это ни к чему.

– Мне и правда все это ни к чему.

– Черт возьми, Васкес! Да ты понимаешь, чем тебе обязаны люди, которых ты спасла? Не говоря уже об их семьях!

«Ну да, поглядели б вы в глаза матери Элисы Гомес», – хотела сказать Мила. Но промолчала, ограничилась кивком. Морешу посмотрел на нее, покачал головой:

– С тех пор как ты здесь, на тебя не подали ни единой жалобы.

– Это хорошо или плохо?

– Если сама не понимаешь, значит у тебя серьезные проблемы, девочка моя. Поэтому думаю, тебе сейчас не помешает работа в команде.

– Зачем? – вскинулась она. – Я делаю свое дело, и меня занимает только это. Я уже привыкла справляться одна. А в команде надо будет к кому-то приноравливаться. Как вам объяснить, что...

– Собирай чемодан, – прервал ее Морешу, не слушая возражений.

– С чего такая спешка?

– Вечером выезжаешь.

– Это что, наказание?

– Нет, не наказание. И не отпуск. Им нужен консультант. А ты весьма популярна.

– А в чем дело? – нахмурилась Мила.

– Пять похищенных девочек.

Мила слышала об этом в новостях.

– Почему я?

– Потому что есть еще и шестая, но они пока не знают, кто она.

Ей нужны были еще пояснения, но Морешу, видимо, считал, что разговор закончен, и вновь заспешил: взял папку и помахал ею в направлении двери:

– Тут и билет на поезд.

Мила прижала к себе папку и направилась к выходу. На пороге вновь обернулась к сержанту:

– Присцилла, говорите?

– Да.

4

«The Piper at the Gates of Dawn», 67-й. «A Sauceful of Secrets», 68-й. «Ummagumma», 69-й, как саундтрек к фильму «Еще». В 71-м – «Meddle». До этого был еще один, в 70-м, это точно. Название вылетело из головы. Но помнится, на обложке была корова. Черт, как же назывался альбом?

Надо бы заправиться.

Индикатор был почти на нуле; лампочка перестала мигать – загорелась ровным красным светом.

Но ему не хотелось останавливаться.

Он уже пять часов за рулем и проехал почти шестьсот километров. Но оттого, что между ним и тем, что случилось ночью, такой внушительный разрыв, ему не стало легче. Руки судорожно сжимают руль. Шейные мышцы напряжены до боли.

Он на мгновение оглянулся.

«Не думать... не думать...»

Он загружал ум знакомыми, утешительными воспоминаниями. В последние десять минут сосредоточился на полной дискографии «Пинк Флойд», а перед этим в течение четырех часов перебирал названия любимых фильмов, имена хоккеистов, которые последние три сезона играли за любимую команду, бывших одноклассников и учителей. Дошел даже до миссис Бергер. Как, интересно, она поживает? Любопытно было бы повидать ее. Лишь бы отгородиться от *той мысли*. Теперь вот ум застрял на этом проклятом альбоме с коровой на обложке.

И мысль вернулась.

Скорей избавься от нее. Загони в дальний угол мозга, где уже несколько раз за ночь смог ее удержать. Иначе опять будешь обливаться потом, а то и слезами отчаяния. Впрочем, недолго. Страх возвращался и стискивал железной хваткой желудок. Но он не давал ему затуманить сознание.

«Atom Heart Mother».

Вот как называется диск. Миг счастья, правда мимолетный. В его положении о счастье мечтать не приходится.

Он вновь оглянулся назад.

И опять подумал: надо бы заправиться.

Время от времени из-под коврика под ногами выползло прогорклое аммиачное облако, напоминая о том, что он обделался. Мышцы ног начинали ныть, немели икры.

Гроза, почти всю ночь хлеставшая дождем автостраду, отходила за гребни гор. Он видел зеленоватые вспышки на горизонте, в то время как диктор в очередной раз сообщал по радио сводку погоды. Скоро уже рассветет. Час назад он миновал железнодорожный переезд и выехал на автостраду. Даже не остановился, чтобы оплатить выезд. Его цель в тот момент состояла в том, чтобы мчаться вперед, все дальше.

В точности соблюдая полученные инструкции.

На несколько минут он позволил себе отвлечься. Но мысль неизбежно возвращалась к воспоминаниям о той ночи.

Вчера утром, около одиннадцати, он подъехал к отелю «Модильяни». Весь день занимался делами представительства компании в этом городе, а вечером, как и было запланировано, поужинал с несколькими клиентами в гостиничном бистро. И в одиннадцатом часу удалился к себе в номер.

Заперев дверь, он первым делом ослабил узел галстука перед зеркалом, и тут отражение явило ему, наряду с потным лицом и опухшими глазами, истинный облик его наваждения. Именно так он выглядит, когда желание берет над ним верх.

Глядя в зеркало, он недоуменно спрашивал себя, каким образом ему удавалось весь вечер скрывать от сотрапезников свои мысли. Он беседовал с ними, слушал дурацкие разговоры про гольф, про настырных жен, смеялся над неприличными анекдотами, а сам был далеко. Он предвосхищал момент, когда, вернувшись в номер и ослабив узел галстука, увидит, как тошнота, сдавившая горло, прорвется потоком, одышкой, затравленным взглядом.

Когда из-под маски выглянет его настоящее лицо.

Оставшись один, он смог наконец-то дать волю желанию, которое так сдавливало грудь и распирало штаны, что он даже боялся, как бы они не лопнули. Но нет, обошлось. Он сумел сдержаться.

Потому что знал: это скоро пройдет.

Как всегда, он поклялся себе, что это в последний раз. Как всегда, это обещание повторялось *до* и *после*. И как всегда, он нарушал его и давал себе снова – в следующий раз.

Он выскользнул из гостиницы около полуночи, на пике возбуждения. Поехал кружить без цели, в ожидании. Днем он между делом наметил себе несколько перспективных мест, чтобы заранее быть уверенным: все пойдет согласно плану, без помех. Он два месяца готовился, два месяца обхаживал свою «бабочку». Ожидание – необходимый аванс всякого наслаждения. Его можно посмаковать. Он выверил детали, потому что именно на них засыпаются другие. Но он в эту ловушку не угодит. Никогда в жизни. Даже теперь, когда после обнаружения кладбища рук ему понадобились дополнительные меры предосторожности. В городе полно полиции, и все вроде бы начеку. Но он умеет быть невидимкой. Ему бояться нечего. Надо только расслабиться. Скоро он увидит бабочку на бульваре, на месте, условленном вчера. Он вечно опасался, как бы бабочка не передумала, как бы с ее стороны что-то пошло не так. Это было бы печально, и от подобной ноющей печали ему не отделаться много дней. А что еще хуже – тогда уже не спрячешься. Но он твердил себе, что и на сей раз все выйдет как надо.

Бабочка прилетит.

Он проворно посадит ее в машину, обволакивая привычными комплиментами, которые не только льстят, но и рассеивают сомнения и страхи. Он привезет ее на место, которое выбрал для них сегодня днем, – в глубине улочки, откуда открывался вид на озеро.

У всех бабочек пронзительный запах. Они пахнут жвачкой и кроссовками. И потом. Он это любит. Этот запах впитался в обивку его машины.

Даже сейчас он бьет в ноздри, смешанный с запахом мочи. Слезы хлынули снова. Сколько всего случилось с того мгновения! До чего же резок был переход от счастливого возбуждения к тому, что стряслось потом.

Он оглянулся.

Надо заправиться.

Но он тут же забыл об этом, втянув в себя растленный дух и погрузившись в воспоминания о том, что случилось после...

Он сидел в машине в ожидании бабочки. Тусклая луна то и дело проглядывала сквозь тучи. Пытаясь обмануть тревогу, мысленно повторял свой план. Вначале они поговорят. Правда, он будет в основном слушать, так как знает, что бабочкам совершенно необходимо то, чего им больше нигде найти: внимание. Ему хорошо удавалась роль слушателя маленькой жертвы, потому что, открывая ему сердце, она слабеет по собственной воле, перестает держать оборону и позволяет ему беспрепятственно проникнуть в глубины, в самую сокровенную частичку души.

Если он и говорил, то всегда что-то уместное. Всякий раз. Именно так он становился их учителем. Так приятно просветить кого-то насчет своих желаний. Объяснить то, что требуется, показать, как это делается. Пожалуй, это самое важное. Стать для них школой, мастерской. Снабдить их руководством в области наслаждений.

Но как раз когда он готовился к этому магическому уроку, который был призван распахнуть перед ним все самые интимные врата, ему случилось бросить рассеянный взгляд в зеркало заднего вида.

Тут-то он все и увидел.

Нечто еще более зыбкое, чем тень. Нечто, быть может, даже невидимое глазу, поскольку оно выплыло из твоего воображения. И он сразу же подумал о мираже, об иллюзии.

Пока в окно не стукнули кулаком.

Пока с треском не открылась дверца и в щель не просунулась рука, схватившая его за горло и стиснувшая так, что не осталось ни малейшего шанса для сопротивления. Струя ледяного воздуха ворвалась внутрь, и он, помнится, еще подумал: «Забыл про блокировку». Блокировка! Хотя, конечно, она бы все равно его не спасла.

Человек недюжинной силы одной рукой без труда выволок его из машины. Лицо его было скрыто под черной маской. Болтаясь в воздухе, он подумал о бабочке: драгоценная жертва, которую он завлек с таким трудом, теперь ускользнет.

Теперь не она, а он сам жертва.

Человек в маске чуть ослабил хватку и опустил его на землю. Потом вроде бы вообще утратил к нему интерес и пошел к своей машине. «Так, пошел за оружием, сейчас он меня прикончит!» Повинуясь отчаянному инстинкту самосохранения, он пополз по влажной и мерзлой земле, хотя понимал: человек в маске достанет его в несколько шагов и положит конец тому, что так удачно начиналось.

«Сколько бесполезных телодвижений совершают люди, пытаясь обмануть смерть, – думал он, сидя в запертой машине. – Одни под дулом пистолета протягивают руку, с тем чтобы пуля пробила им ладонь. Другие, спасаясь от огня, выбрасываются из окна.... Все хотят избежать неизбежного – смех, да и только!»

Он и не думал вступать в ряды этих глупцов. Он всегда был уверен, что сумеет достойно встретить смерть. По крайней мере, до той ночи, когда пополз, как червяк, наивно моля неизвестно кого о спасении. Еле-еле двигаясь, он отполз на метр-другой.

И потерял сознание.

Две звонкие оплеухи привели его в чувство. Человек в маске вернулся. Возвышаясь над ним, он вперил в него мутный взгляд. Оружия у него не было. Кивком он указал на машину и произнес:

– Александр, поезжай и не останавливайся.

Человеку в маске было известно его имя.

Поначалу это показалось логичным. Но по зрелом размышлении именно это повергло его в подлинный ужас.

Его отпускают. Он не сразу поверил в это. Поднялся с земли, шатаясь, добрал до машины, заторопился, боясь, как бы тот не передумал. Неуклюже сел за руль, хотя в глазах все еще стоял туман и руки дрожали так, что долго не получалось завести мотор. Когда наконец мотор завелся, началась его долгая ночь на дороге. Прочь оттуда как можно дальше.

Надо заправиться, подумал он, возвращаясь на землю.

Бак почти пуст. Он поискал указатель заправки и спросил себя, входит ли она в милости, полученные нынче ночью.

Не останавливаться.

До часу ночи два вопроса целиком занимали его мысли. Почему человек в маске отпустил его? И что произошло, пока он был без сознания?

Ответ явился, когда ум его обрел кое-какую ясность и слышался *шум*.

Трение о кузов и металлический ритмичный стук – тум-тум-тум, – глухой, непрерывный. «Так, он что-то сотворил с машиной: вот-вот колесо соскочит с оси, я потеряю управление и

врежусь в ограду!» Но ничего этого не случилось, поскольку шум был не механический. Но он понял это позже... Понял, но не желал себе в этом признаться.

Перед глазами мелькнул указатель: до ближайшей заправки восемь километров. Может, и дотянет, но там надо будет действовать быстро.

При этой мысли он в который раз обернулся назад.

Однако внимание его было приковано не к автостраде, которая убегала за спиной, и не к машинам, что шли за ним.

Нет, его взгляд остановился ближе, гораздо ближе.

То, что гналось за ним, находилось не на дороге, а совсем близко. Это и был источник шума. От которого не убежишь.

Он был в его багажнике.

Как раз на него он и оглядывался так настойчиво, хотя и старался не думать о том, что там может быть. Но когда Александр Берман снова поглядел вперед, было слишком поздно. Полицейский на обочине делал ему знак остановиться.

5

Мила сошла с поезда. Из-за бессонной ночи лицо и глаза опухли. Она медленно шагала по перрону. Здание вокзала состояло из великолепного главного корпуса (постройка девятнадцатого века) и громадного торгового центра. Везде было очень чисто. Но спустя несколько минут Мила уже обнаружила все темные углы, то есть места, где она стала бы искать пропавших детей, где жизнь продается и покупается, гнездится или прячется.

Но она здесь не за этим.

Скоро ее отсюда увезут. В привокзальном отделении полиции ее ждали двое коллег. Изжелта-бледная коренастая женщина лет сорока, коротко стриженная, широкобедрая (бог весть как втиснулась в эти джинсы!). И мужчина лет тридцати восьми, очень высокий и плотный. Миле пришли на память деревенские парни из ее родных краев. По меньшей мере двое таких ходили у нее в женихах; она до сих пор помнит их неуклюжие ухаживания.

Мужчина улыбнулся ей, а женщина лишь смерила взглядом, приподняв бровь. Мила подошла к ним, собираясь представиться. Сара Роза назвала только имя и чин. Мужчина протянул ей ручищу и отчеканил:

– Спецагент особой опергруппы Борис Клаус! – И вызвался нести ее полотняный портплед: – Оставьте, я сам.

– Нет, спасибо, я справлюсь, – отказалась Мила.

– Да бросьте вы, какой разговор, – настаивал он.

Тон, каким это было сказано, и не сходявшая с лица улыбка давали понять, что Борис из числа донжуанов, уверенных в своей неотразимости для всех женщин, попадающих в его оптический прицел. Мила не сомневалась: он решил испытать на ней свои чары, едва замечив ее издали.

Борис предложил выпить кофе, а уж потом трогаться, но Сара Роза испепелила его взглядом.

– Что? Что я такого сказал? – кинулся оправдываться он.

– Нет у нас времени, ты что, забыл? – отрезала женщина.

– Но инспектор проделала долгий путь, и я подумал...

– Не надо, спасибо, – вмешалась Мила. – Я обойдусь.

Ей не хотелось настраивать против себя Сару Розу, но та, по всей видимости, не оценила ее поддержку.

Они дошли до стоянки, и Борис сел за руль. Роза уселась рядом с ним. Мила устроилась на заднем сиденье вместе со своим портпледом. Вскоре их машина влилась в поток движения по набережной реки.

Сара Роза была явно недовольна своей ролью сопровождения. Борис, напротив, был сама любезность.

– Куда едем? – робко поинтересовалась Мила.

Борис взглянул на нее в зеркало:

– В штаб. Старший инспектор Рош желает самолично дать тебе инструкции.

– Я до сих пор не имела дела с серийными убийцами, – сочла нужным уточнить Мила.

– Тебе не придется его ловить, – язвительно отозвалась Роза. – Это наша забота. Твое дело – выяснить имя шестой девочки. Надеюсь, ты прочла материалы дела.

Мила пропустила мимо ушей высокомерную нотку в голосе женщины, поскольку сразу обратилась мыслями к папке, изучая которую она провела всю ночь. Фотографии погребенных детских рук. Скучные данные судмедэкспертизы относительно возраста жертв и времени их смерти.

– Как это все случилось – в лесу? – спросила она.

– Самое громкое дело последних лет! – объявил Борис, на миг отвлекшись от дороги, и глаза у него засверкали, как у мальчишки. – Не припомню ничего подобного. Думаю, многие шишки теперь полетят с насиженных мест. Поэтому Рош и ведет себя как дурак.

Сару Розу покорило подобное выражение; Миле, кстати, это тоже было неприятно. Еще не видя старшего инспектора, она поняла, что подчиненные не питают к нему особого уважения. Конечно, Борис чересчур прямолинеен, но раз он позволяет себе такие вольности при Саре Розе, значит в душе она согласна с ним, хотя и не показывает этого. Не годится, подумала Мила. Что бы там ни говорили подчиненные, она сама оценит Роша и его методы.

Роза повторила вопрос, и только тогда Мила осознала, что та обращается к ней.

– Это твоя кровь?

Сара Роза повернулась к ней и указала на пятнышко на брюках. Стало быть, опять открылся шрам на бедре.

– Упала в спортзале, – соврала Мила.

– Залечи рану побыстрее. Не хватало еще, чтобы твоя кровь спутала нам все образцы.

Миле стало неловко от упрека Розы и оттого, что Борис уставился на нее в зеркало. Она надеялась, этим все закончится, но Роза продолжила нотации:

– Один новичок, поставленный охранять место убийства на сексуальной почве, пошел и помочился в туалете жертвы. Мы шесть месяцев гонялись за призраком, решив, что убийца забыл воду спустить.

Борис хохотнул, вспомнив этот случай. А Мила решила сменить тему:

– Почему вызвали именно меня? Разве нельзя было вычислить шестую по заявлениям о пропажах за последний месяц?

– Не к нам вопрос, – огрызнулась Роза.

Грязное дело, отметила про себя Мила. Ясное дело, ее вызвали именно поэтому. Рош решил доверить поиски кому-то со стороны, чтобы потом всю вину свалить на него, если шестая жертва так и останется безымянной.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

– А что семьи остальных пяти? – спросила Мила.

– Они тоже приедут в штаб сдать анализ ДНК.

Мила подумала о несчастных родителях, вынужденных участвовать в лотерее ДНК, дабы убедиться, что плоть от плоти их убили и расчленили. Скоро их жизнь навсегда изменится.

– А что известно про маньяка? – спросила она, пытаясь отогнать эту мысль.

– Мы не называем его так, – заметил Борис, обменявшись понимающим взглядом с Розой. – Чтобы не обезличивать. Доктор Гавила этого не любит.

– Доктор Гавила? – переспросила Мила.

– Ты с ним познакомишься.

Неловкость Милы все нарастала. Ясное дело, она будет в невыгодном положении из-за неопытности и слабого знакомства с делом; не исключено, что коллеги станут над ней смеяться. Но она все равно не сказала ни единого слова в свою защиту.

А Роза все не оставляла ее в покое – тем же снисходительным тоном она продолжала:

– Так вот, дорогая, неудивительно, что ты не понимаешь, как обстоят дела. В своей епархии ты наверняка преуспеваешь, но здесь все иначе. У серийных убийц свои правила, и это, безусловно, касается жертв. Они не виноваты в том, что стали жертвами. Единственная их вина в том, что они оказались в неподходящем месте в неподходящее время. Или, скажем, надели что-то неподобающее, перед тем как выйти из дома. Или же, как в нашем случае, вина их только в том, что они дети, белые девочки от семи до тринадцати лет. Извини, но ты этих тонкостей знать не можешь. Не принимай на свой счет.

Как же, не принимай! С первой минуты знакомства все реплики Розы только и направлены на то, чтобы ее уколоть.

– Я быстро учусь, – ответила Мила.

Роза обернулась и глянула на нее исподлобья:

– У тебя дети есть?

Мила растерялась:

– Нет, а что? При чем тут дети?

– При том, что, когда ты найдешь родителей шестой девочки, тебе придется объяснить им, почему с их прелестной малюткой так жестоко обошлись. А ведь ты ничего о них не знаешь, тебе неизвестно, чего им стоило растить, учить ее, ночами не спать, когда болеет, откладывать по крохам на колледж и на счастливое будущее, играть с ней, помогать ей делать уроки. – Тон становился все более неприязненным. – Ты не знаешь, почему у трех девочек был перламутровый лак на ногтях, а у одной застарелый шрам на локте – может, в пять лет она с велосипеда упала, – и не знаешь, что все они были маленькие, хорошенькие, не знаешь, что снилось им во сне, о чем они мечтали в своем невинном возрасте и чему уже не суждено сбыться! Ничего этого ты не знаешь, потому что не была матерью.

– «Холли», – сухо отозвалась Мила.

– Что? – Роза округлила глаза.

– Лак называется «Холли», коралл с перламутром. Его в рекламных целях распространял месяц назад журнал для подростков, и он пользовался большой популярностью. Вот почему он обнаружился сразу у трех. А еще на одной жертве был браслет-амулет.

– Мы не находили браслета, – возразил Борис (похоже, его заинтересовал разговор).

Мила достала папку с фотографиями:

– Номер два, Анника. Кожа вокруг запястья светлее. Значит, она что-то носила на этом месте. Может быть, браслет снял убийца, может, он соскользнул, когда ее похищали и она сопротивлялась. Все девочки правши, кроме одной, третьей: у нее на указательном пальце чернильные пятна, стало быть, левша.

Борис восхищенно присвистнул; Роза насупилась. Мила продолжила:

– И последнее: шестая девочка, имя которой неизвестно, была знакома с той, что пропала первой, с Дебби.

– С чего ты взяла? – резко спросила Роза.

Мила извлекла из папки фотографии рук, первой и шестой:

– У обеих на подушечках указательных пальцев красные точки... *Они кровные сестры.*

Аналитический отдел федеральной полиции занимался в основном особо тяжкими преступлениями. За восемь лет руководства отделом Рош сумел революционным образом изменить его стиль и методику. Именно он фактически открыл двери штатским лицам вроде доктора Гавилы, которого благодаря его изысканиям и трудам единодушно почитали самым сведущим из криминалистов.

В следственной группе агент Стерн был старше всех и по возрасту, и по званию. В его обязанности входил сбор сведений для создания ориентировок и выявления общих моментов с другими случаями. Он был, что называется, «памятью» группы.

Сара Роза ведала логистикой и информатикой. Большую часть времени она проводила, изучая новые технологии, и считалась крупным специалистом по планированию полицейских операций.

Борис же был агент-дознатель. В его обязанности входили допросы подозреваемых и свидетелей, а также вытягивание признательных показаний из виновного. Он владел многочисленными приемами и, как правило, достигал своей цели.

Рош раздавал приказы, но фактически группой не руководил; следственные действия ориентировались на чутье доктора Гавилы. Старший инспектор был, скорее, политик и руководствовался прежде всего карьерными соображениями. Ему нравилось приписывать себе все

заслуги успешных расследований. Если же результат был нулевым, он распределял ответственность между членами группы, или, как он их называл, «команды Роша». Такой подход обеспечил ему неприязнь и презрение подчиненных.

В зале заседаний на шестом этаже здания в самом центре города собрались все.

Мила заняла место в последнем ряду. В туалете она вновь залепила двумя пластырями рану на ноге и сменила запачканные джинсы на точно такие же.

Села, поставив портплед на пол. Тут же опознала в худощавом человеке старшего инспектора Роша. Он оживленно беседовал с довольно невзрачным типом, который излучал какую-то странную ауру. Серый свет. Мила была почти уверена, что вне этой комнаты, в реальном мире, человек исчезнет, точно призрак. Но в его присутствии угадывался определенный смысл. Да, это явно он, доктор Гавила, о котором упоминали в машине Борис и Роза.

Что-то в его облике заставляло сразу забыть о поношенной одежде и вклоченных волосах.

Вот что: глаза, огромные, внимательные.

Продолжая разговаривать со старшим инспектором, он перевел их на нее, застигнув на месте преступления. Мила мгновенно отвела взгляд, смутившись, и он чуть погодя сделал то же самое, прошел и сел неподалеку от нее. С этого момента он словно бы вывел Милу из поля зрения, а несколько минут спустя Рош объявил о начале совещания.

Он поднялся на приступку и взял слово с нарочито торжественным взмахом руки, как будто выступал перед огромным залом, а не перед пятью сотрудниками.

– Мне только что звонили криминалисты: наш Альберт не оставил после себя ни единой улики. Ловкий тип, ничего не скажешь. Ни единого следа или отпечатка на этом маленьком кладбище рук. Ничего, только шесть жертв, и нам еще предстоит найти шесть тел и одно имя.

После чего инспектор предоставил слово Горану, но тот подниматься на подиум не стал, а так и остался сидеть, скрестив на груди руки и вытянув ноги под стулья, стоявшие перед ним.

– Наш Альберт с самого начала хорошо знал, как все будет. Предвидел все до мельчайших подробностей. Это он вращает карусель. К тому же шесть – завершенное число в каббалистике серийного убийцы.

– Шестьсот шестьдесят шесть, число дьявола, – вмешалась Мила.

Все с укором повернулись к ней.

– Мы к подобным банальностям не прибегаем, – проронил Горан так, что Мила готова была провалиться сквозь землю. – Когда мы говорим о завершенном числе, имеется в виду, что субъект завершил одну серию. Или больше.

Мила незаметно прикрыла глаза, и Горан, почувствовав, что она не поняла, пояснил:

– Серийным убийцей мы считаем того, кто убил как минимум, трижды аналогичным способом.

– Два трупа – это всего лишь многократный убийца, – добавил Борис.

– Таким образом, шесть жертв – это две серии.

– Это что, своего рода условность? – поинтересовалась Мила.

– Нет. Тот, кто убивает в третий раз, уже не остановится, – подытожила Роза.

– Тормоза ослаблены, чувство вины усыплено, и человек уже убивает автоматически, – заключил Горан и повернулся к остальным. – Почему мы еще ничего не знаем о жертве номер шесть?

– Кое-что уже знаем, – возразил Рош. – Наша уважаемая коллега сообщила нам, на мой взгляд, весьма важную улику. Она связала безымянную жертву с Дебби Гордон, с номером один. – Рош объявил об этом так, словно идея Милы исходила от него. – Прошу вас, спецгент, объясните, на чем основана ваша догадка.

Мила вновь оказалась в центре внимания. Она уставилась в свои записи, собираясь с мыслями. Рош тем временем сделал ей знак подняться.

Мила встала:

– Дебби Гордон и шестая девочка знали друг друга. Разумеется, пока это лишь мое предположение, но оно могло бы объяснить тот факт, что у обеих на указательном пальце одинаковый знак.

– И что это за знак? – оживился Горан.

– Это... такой ритуал прокалывать кончик пальца английской булавкой и, касаясь подушечками, смешивать кровь. Подростковый вариант братания кровью.

Мила тоже когда-то браталась так с Грасиелой. Они взяли ржавый гвоздь, поскольку английскую булавку сочли атрибутом кисейных барышень. Воспоминание нахлынуло внезапно. Грасиела была ее душевной подругой. Они знали все тайны друг друга и однажды даже поделили парня, который ничего не подозревал. Девочки внушили ему, что это он, хитрец, обвел их обеих вокруг пальца. И что теперь случилось с Грасиелой? Мила много лет ничего о ней не слышала. Они вскоре потеряли друг друга из виду и так и не встретились, хотя и клялись оставаться вместе до гроба. Почему же Мила с такой легкостью забыла о ней?

– Если так, значит шестая девочка – ровесница Дебби.

– Судя по анализу обызвествления кости шестой конечности, жертве было двенадцать лет, – вставил Борис, который так и норовил показать себя перед Милой.

– Дебби Гордон училась в престижном интернате. Едва ли ее кровная сестра была ее соученицей, так как среди школьниц никто больше не пропал.

– Ну, значит, они познакомились не в школе, – снова встрял Борис.

Мила кивнула:

– Дебби поступила в интернат восемь месяцев назад. Вероятно, она очень скучала по дому, и ей было непросто подружиться с кем-либо. Поэтому, скорее всего, с кровной сестрой они встретились в иной обстановке.

– Хорошо бы вам осмотреть ее комнату в интернате, – сказал Рош. – Вдруг что-то всплывет?

– Я бы хотела еще поговорить с родителями Дебби, если можно.

– Конечно, делайте то, что считаете нужным.

Старший инспектор хотел что-то еще добавить, но раздался стук в дверь. Три поспешных удара. И тут же в комнате возник невысокий человек в белом халате, хотя никто не приглашал его войти. У него были слегка раскосые глаза, волосы ежиком.

– А-а, Чан, – протянул Рош.

Это был судмедэксперт, работавший по обсуждаемому делу. Мила вскоре узнала, что никакой он не азиат, но в силу странного генетического витка ему достались эти физические черты. Звали его Леонард Вросс, но все в группе называли его не иначе как Чан.

Коротышка остался стоять рядом с Рошем. В руках он держал папку, которую тут же открыл, хотя все, что там написано, он выучил наизусть. Но видимо, эти листки придавали ему уверенности.

– Послушайте, пожалуйста, заключение доктора Чана, – сказал старший инспектор. – Даже если кому-то из вас отдельные детали покажутся непонятными.

Мила была больше чем уверена, что намек относится к ней.

Чан нацепил очки, достав их из кармана халата, и откашлялся.

– Состояние останков, несмотря на пребывание в земле, следует считать идеальным.

Это подтверждало гипотезу, согласно которой временной разрыв между захоронением и его обнаружением был совсем невелик. Далее патологоанатом углубился в подробности исследования и, когда дошел до причины смертей, заявил без обиняков:

– Он их убил, отрубив им руки.

Раны могут сообщить врачу о многом, – это Мила хорошо знала. Когда судмедэксперт повернул к ним открытую папку, показав увеличенную фотографию рук, Мила отметила крас-

новатый обод вокруг среза и расколотую кость. Проникновение крови в ткани – первый признак того, смертельна рана или нет. Если удар топора или ножа был нанесен по труп, то кровь просто стекает вниз из разорванных сосудов, не задевая окружающих тканей. Если же рубили по живому телу, то давление в артериях и капиллярах не ослабевает, потому что сердце продолжает качать кровь, наполняющую поврежденную ткань в отчаянной попытке рубцевания. У девочек этот спасительный механизм прекратил работать только после того, как им отрубили руки.

Чан продолжил:

– Раны нанесены в середине плечевого бицепса. Расщепления кости нет, срез чистый. Должно быть, пользовались высокоточной пилой. По краям раны мы не обнаружили следа железных опилок. Ровный обрез кровеносных сосудов и сухожилий позволяет предположить, что ампутация проведена с поистине хирургическим мастерством. Смерть наступила от потери крови. – Помолчав, он добавил: – Кошмарная смерть.

Услышав эту фразу, Мила чуть было не опустила глаза в знак скорби, но, заметив, что больше никто этого не сделал, удержалась.

– Я думаю, он убивал их сразу, – продолжал Чан, – без колебаний, так как не считал нужным сохранять им жизнь дольше положенного. Способ убийства одинаковый у всех жертв. *Кроме одной...*

Слова немного повисели в воздухе, а потом окатили присутствующих ледяным душем.

– То есть? – спросил Горан.

Чан поправил очки, сползшие на кончик носа, и вперил взгляд в криминолога:

– Одной пришлось еще тяжелее.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– В результате токсикологического исследования в крови и тканях обнаружен адский коктейль лекарств. А именно: антиаритмический препарат дизопирамид, ингибиторы АПФ, бета-блокатор атенолол...

– Сократил сердечный ритм и одновременно уменьшил давление, – сразу догадался Горан.

– Зачем? – спросил Стерн, который, наоборот, ничего не понял.

Губы Чана искривила горькая усмешка.

– Он искусственно замедлил кровопотерю, чтобы смерть была долгой. Не иначе хотел *насладиться зрелищем*.

– Какая девочка? – уточнил Рош, хотя все и так знали ответ.

– Шестая.

Мила, хоть и не была специалистом по серийным убийствам, поняла, что произошло. Судмедэксперт фактически заявил о том, что убийца изменил свой *modus operandi*, то есть *образ действий*. А это значит, он обрел уверенность в себе. Он начинает новую игру, и она ему нравится.

– Он изменил манеру, потому что доволен результатом. Дела у него идут все лучше, – заключил Горан. – Он, что называется, вошел во вкус.

Милу посетило знакомое ощущение. Что-то вроде щекотки в основании шеи, которую она чувствовала всякий раз, когда приближалась к разгадке очередной пропажи. Странное, необъяснимое чувство – оно как будто приоткрывало завесу над непостижимой истиной. Обычно оно длилось дольше, но сейчас исчезло, прежде чем она успела его ухватить. Видимо, его прогнала фраза Чана:

– И еще одно... – Патологоанатом обращался напрямую к Миле. Хотя они еще не познакомились и она была единственным посторонним человеком в этой комнате, но его наверняка уже ввели в курс дела. – Там ждут родители пропавших девочек.

Из окна участка дорожной полиции, затерянного среди гор, Александру Берману открылся вид на автостоянку. Его машина стояла в самом конце пятого ряда. Отсюда кажется, что очень далеко.

Солнце уже поднялось и сверкало на хромированных деталях. После ночной грозы трудно было даже представить себе такую благодать. Как будто уже наступила весна и совсем потеплело. В открытое окно просачивался слабый ветерок, навевающий умиротворение. Настроение, как ни странно, улучшилось.

Когда его на рассвете остановили на КПП для проверки, он не растерялся, не ударился в панику. Правда, беспокоила неприятная влажность между ног.

С водительского сиденья ему были отлично видны полицейские возле служебной машины. Один держал портмоне с его документами и, просматривая их, диктовал другому данные, которые тот сообщал кому-то по рации.

«Сейчас подойдут и заставят открыть багажник», – думал он.

Полицейский, что остановил его, держался вполне вежливо. Спросил про ливень и почувствовал: мол, не завидует, что ему пришлось всю ночь тащиться в такое ненастье.

– Вы нездешний, – заключил он, взглянув на номерные знаки.

– Да, – подтвердил он, – нездешний.

На том разговор и иссяк. На мгновение ему захотелось рассказать все, но он тут же передумал. Еще не время. Затем полицейский отошел к своему напарнику. Александр Берман еще не знал, что будет дальше, но он немного расслабил руки, судорожно сжимавшие руль. Кровоток восстановился, и ладони вновь обрели нормальный цвет.

А сам он снова погрузился в мысли о своих бабочках.

Такие хрупкие, совсем не осознающие своего очарования. А он ради них остановил время, и открыл им этот секрет. Другие ограничивались комплиментами их красоте, но он остерегался этого. В сущности, его обвинить не в чем.

Когда он увидел, как полицейский снова направляется к нему, напряжение, отпустившее ненадолго, вернулось. Что-то уж очень долго, мелькнула мысль. Агент приближался, уперев одну руку в бок на уровне ремня. Жест известный: готовится выхватить пистолет. Подойдя совсем близко, тот неожиданно произнес:

– Вам придется проехать в участок, господин Берман. Среди документов нет свидетельства о регистрации.

«Странно, – подумал он, – я уверен, что положил его в бумажник». Но потом понял: его забрал человек в маске, когда он был без сознания. И вот он сидит в маленьком зале ожидания и наслаждается незаслуженным теплом ветерка. Его привели сюда, после того как реквизировали машину. Привели, не зная, что административное взыскание – наименьшая из его забот. Полицейские удалились в кабинет принимать решение, которое для него не имело никакого значения. Он поразмыслил об этой странности: надо же, как меняются приоритеты для человека, которому нечего терять. Более всего ему сейчас хочется как можно дольше ощущать ласковое прикосновение ветерка.

Однако он не сводил глаз со стоянки и сновавших туда-сюда полицейских. Машина все еще стоит там, у всех на виду. С его тайной, запертой в багажнике. И никто ничего не замечает.

Размышляя о странности своего положения, он вдруг заметил группу полицейских, возвращавшихся после полуденного кофе-брейка. Трое мужчин и две женщины в форме. Один, должно быть, рассказывал анекдот, сильно жестикулируя. Когда он закончил, остальные захохотали. Александр не слышал ни слова, но смеялись все так заразительно, что он невольно улыбнулся. Но улыбка тут же сползла с лица, когда группа проходила мимо его машины. Один из них, самый высокий, вдруг остановился, пропустив остальных вперед. Не иначе что-то заметил.

Александр Берман увидел характерную гримасу у него на лице.

Запах. Наверняка уловил запах.

Не сказав ничего коллегам, полицейский стал озираться. Он нюхал воздух, словно ища воздушную струю, заставившую его насторожиться. И, уловив, повернулся к стоявшей рядом машине. Затем сделал несколько шагов по направлению к ней и застыл перед закрытым багажником.

Александр Берман, наблюдая эту сцену, облегченно вздохнул. Он был *благодарен*. Благодарен за совпадение, приведшее полицейского к другой машине, за легкий ветер, полученный в дар, и за то, что не ему придется открывать проклятый багажник.

Но ласковый ветер стих. Александр Берман поднялся со стула и вытащил из кармана мобильный телефон.

Пришло время звонить.

6

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Мила мысленно повторяла эти имена, наблюдая через стекло за членами семей пяти опознанных жертв, которые собрались в морге Института судебной медицины, помещавшегося в готическом здании с большими окнами в окружении голых деревьев парка.

«Не хватает двоих, – сверлила мозг навязчивая мысль, – родителей той, которую мы так и не опознали».

Надо окрестить жуткий обрубок руки номер шесть. Руки, что принадлежала девочке, которую Альберт истязал с особенной жестокостью, напоив коктейлем из лекарств, чтобы мучительно замедлить ее смерть.

«Хотел насладиться зрелищем».

Ей пришлось на ум последнее раскрытое дело, по завершении которого она вызволила Пабло и Элису из дома учителя музыки. «Нет, ты спасла троих человек», – сказал ей сержант Морешу, имея в виду найденную запись в ежедневнике учителя. То имя...

Присцилла.

Ее шеф прав: девочке повезло. Мила отметила жуткую связь между нею и шестью жертвами.

Присцилле тоже выбрал ее палач, и только волею случая она не стала жертвой. Где она теперь? Как протекает ее жизнь? Чувствует ли в тайниках души, что ей удалось избежать подобного ужаса?

Мила спасла ее в тот самый момент, когда переступила порог дома учителя музыки. Но девочка никогда об этом не узнает и не сможет оценить того, что получила в дар вторую жизнь.

Присцилла, как Дебби, Анника, Сабина, Мелисса, Каролина, была обречена, но избежала их участи.

Присцилла, как девочка номер шесть, была обезличенной жертвой. Но у нее, по крайней мере, есть имя.

Чан утверждает, что установление личности – вопрос времени: рано или поздно они выяснят имя шестой девочки. Но Мила не ждала многого от этого открытия, а мысль, которая исчезла, едва появившись, мешала ей рассматривать любые другие варианты.

Впрочем, сейчас сознание *должно* быть ясным, как никогда. «Настал мой черед», – подумала она, глядя через стекло, отделявшее ее от родителей девочек, у которых было имя. Она созерцала этот человеческий аквариум, безмолвные движения убитых горем людей. Сейчас ей надо будет выйти и поговорить с отцом и матерью Дебби Гордон и предъявить им останки их душевных мук.

Коридор морга длинный и темный, в подвальном этаже здания. Туда спускаешься по лестнице либо в тесном лифте, хотя он обычно не работает. По обе стороны от потолка – узкие окна, почти не пропускающие света. Стены, облицованные белым кафелем, не отражают его, как, видимо, и задумал облицовщик. В результате здесь темно даже днем и неоновые трубки на потолке всегда горят, наполняя призрачную тишину своим назойливым жужжанием.

«Может ли быть место хуже, если тебе предстоит узнать о гибели своего ребенка?» – размышляла Мила, продолжая наблюдать за бедными родителями. В утешение там стоят несколько безликих пластиковых стульев и стол со старыми глянцевыми журналами.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

– Взгляни туда, – сказал Горан Гавила у нее за спиной. – Что видишь?

Сначала унизил ее при всех. А теперь еще и обращается на «ты»?

Одно долгое мгновение Мила продолжала наблюдать.

– Вижу их страдания.

– Вглядишься получше. Там не только это.

– Вижу мертвых девочек. Хотя их там нет. Их лица – это лица их родителей. Поэтому жертвы мне видны.

– А я вижу пять семейных очагов. Из разных слоев общества. С разными доходами и разным уровнем жизни. Эти супруги по разным причинам завели только одного ребенка. Вижу женщин, которым хорошо за сорок, едва ли они питают надежду вновь забеременеть. Вот что я вижу. – Горан шагнул вперед и смерил ее взглядом. – Это они подлинные жертвы. Он их изучил, выбрал. Одна-единственная дочь. Он хотел лишить их всякой надежды на то, чтобы снять траур и попробовать забыть о потере. Им до конца дней предстоит помнить о ране, которую он нанес. Он умножил их боль, отняв у них будущее. Лишил их возможности оставить память о себе и преодолеть собственную смерть. Он этим питается. Это награда за его садизм, источник его наслаждения.

Мила отвела взгляд. Криминалист прав: существует *симметрия* зла, причиненного этим людям.

– Рисунок, – подтвердил Горан, уточняя ее мысль.

Мила вновь подумала о девочке номер шесть. По ней пока что никто не плачет. Она имеет право на эти слезы, как и все остальные. Страдания выполняют определенную задачу. Восстанавливают связь между живыми и мертвыми. Это язык, заменяющий слова или меняющий условия задачи. Именно этим заняты родители по ту сторону стекла. Тщательно и мучительно восстанавливают обрывки существования, которого больше нет. Наслаивают друг на друга хрупкие воспоминания, накрепко связывают белые нити прошлого с черными нитями настоящего.

Мила собралась с силами и шагнула через порог. И тут же все взгляды родителей безмолвно обратились на нее.

Она направилась к матери Дебби Гордон, сидевшей рядом с мужем, который положил ей голову на плечо. Звук шагов Милы зловеще отдавался в зале, когда она проходила мимо остальных родителей.

– Господин и госпожа Гордон, позвольте с вами поговорить.

Мила указала им на соседнюю комнату, где стояли кофемашина, автомат с закусками, потертый диван у стены, стол и стулья из голубого пластика и мусорная корзина, полная пластиковых стаканчиков.

Мила усадила супругов Гордон на диван и придвинула себе стул. Села, положив ногу на ногу, и снова почувствовала боль в бедре. Болит уже не так сильно, понемногу заживает.

Она перевела дух, прежде чем начать опознание. Заговорила о следствии, не добавляя ничего к тому, что им было уже известно. Важно не выбить их из колеи, перед тем как она начнет задавать интересующие ее вопросы.

Супруги ни на миг не отводили от нее глаз, как будто она могла каким-то образом избавиться от этого кошмара. Выглядят оба благообразно, пожалуй, даже изысканно. Оба адвокаты. Из тех, что берут почасовую оплату. Мила представила их в безупречном доме, в кругу избранных друзей – короче, при полном благополучии. Разумеется, у них есть возможность пристроить единственную дочь в престижную частную школу. Ну еще бы, муж и жена – акулы в своей профессии. Люди, прекрасно знающие, как выйти из критической ситуации, привыкшие вонзать клыки в противника и не реагировать на ответные удары. И вот теперь они оказались совершенно не подготовленными к обрушившейся на них трагедии.

Вкратце изложив дело, Мила перешла к выводам:

– Господа Гордон, скажите, с кем из сверстниц дружила Дебби, помимо интерната?

Супруги переглянулись, как будто спрашивая друг друга о причинах подобного вопроса и не находя их.

– Мы не знаем, – отозвался отец.

Мила не собиралась довольствоваться таким кратким ответом.

– Вы уверены, что Дебби в телефонных разговорах никогда не упоминала подругу, которая не была ее соученицей?

Пока госпожа Гордон пыталась вспомнить, Мила оглядела ее фигуру: плоский живот, упругие мышцы ног. Очевидно, решение иметь одного ребенка было тщательно обдумано. Эта женщина не пожелала портить фигуру еще одной беременностью. А теперь уже поздно: ей скоро пятьдесят, детей уже не получится. Горан прав: Альберт выбирал их не наобум.

– Нет, – ответила женщина. – Хотя в последнее время голос у нее стал поспокойнее.

– Полагаю, она просила, чтобы вы забрали ее домой.

Она затронула болезненное место, но без этого ей не добраться до истины. Надтреснутым, виноватым голосом отец Дебби подтвердил:

– Да, ей там было одиноко, она скучала по нас и по Стингу.

Мила вопросительно взглянула на него, и отец пояснил:

– Это ее собака. Дебби рвалась домой, в свою старую школу. Нет, нам она ничего такого не говорила, возможно, боялась разочаровать, но... по ее тону это было очевидно.

Мила понимала, что теперь будет: родители до конца жизни не перестанут казнить себя, что не вняли желанию дочери, которая, пусть не словами, но интонацией умоляла забрать ее домой. Но супруги Гордон превыше всего ставили свои амбиции и, видимо, считали, что они передаются по наследству. Если вдуматься, ничего противоестественного в их поведении нет. Они желали лучшего для единственной дочери. По сути, этого хотят все родители. И не случись несчастья, возможно, Дебби когда-нибудь поблагодарила бы их за это. Но, к сожалению, это «когда-нибудь» уже никогда не наступит.

– Господа Гордон, простите мою настойчивость, я понимаю, как вам тяжело, но прошу вас вновь припомнить все разговоры с Дебби. Все ее выходы из интерната могут оказаться очень важными для раскрытия этого дела. Подумайте, и если что-то придет вам на ум...

Муж и жена в унисон кивнули, обещая вспомнить. И тут Мила боковым зрением увидела чью-то фигуру за стеклянной дверью. Сара Роза знаками пыталась привлечь ее внимание. Мила извинилась перед Гордонами и вышла. Сара Роза, очутившись с ней лицом к лицу, проронила:

– Закругляйся, надо ехать. Найден труп девочки.

Спецагент Стерн неизменно носил пиджак и галстук. Предпочитал коричневые, бежевые или синие костюмы и рубашки в тонкую полоску. Мила пришла к заключению, что его жена покупает их пачками, поэтому он всегда такой наглаженный и ухоженный. Волосы зачесаны назад и чуть тронуты бриллиантином. Бреется он каждое утро, лицо гладкое, и от него всегда исходит запах дорогого одеколона. Большой педант этот Стерн. Из тех, кто никогда не меняет привычек и для кого безупречная внешность важнее диктата моды.

Явно незаменимый человек для сбора информации.

Пока Стерн вез их на место, где было найдено тело, он, засунув в рот мятную пастилку, быстро ввел их в курс дела:

– Задержанного зовут Александр Берман, сорока лет, менеджер по продаже оборудования для текстильной промышленности в процветающей фирме. Женат, ни в каких излишествах не замечен. В городе, где живет, пользуется уважением. Зарабатывает неплохо: нельзя сказать, чтоб очень богат, но вполне обеспечен.

– Чистенький, одним словом, – заметила Роза. – Вне подозрений.

Прибыв в участок дорожной полиции, они застали агента, обнаружившего труп, сидящим на стареньком диване в одном из кабинетов. У того был шок.

Местные власти предоставили группе по особо тяжким преступлениям свободу действий. И те взялись за работу под руководством Горана и под наблюдением Милы, чья роль заключалась попросту в обнаружении деталей, полезных для выполнения ее задачи, без вме-

шательства в активный ход действий. Рош остался в кабинете, решив, что подчиненные и без него распутают этот узел.

Мила заметила, что Сара Роза держит с ней дистанцию. Мила была этому только рада, несмотря на то что Роза все время поглядывала на нее, уверенная в том, что рано или поздно поймает ее на каком-нибудь промахе.

Молодой лейтенант предложил проводить их на место. Пытаясь выглядеть уверенно, он уточнил, что там ничего не трогали. Но все члены группы прекрасно поняли, что ему впервые довелось видеть такую сцену. Полицейскому из провинции судьба нечасто подбрасывает столь зверские преступления.

По дороге лейтенант старательно излагал подробности. Возможно, заранее отрепетировал свой рапорт, чтоб не ударить в грязь лицом. Как будто читал уже написанный протокол.

– Мы установили, что подозреваемый Александр Берман вчера утром прибыл в гостиницу города, находящегося довольно далеко отсюда.

– В шестистах километрах, – уточнил Стерн.

– Судя по всему, он ехал всю ночь. Бензин был почти на нуле, – продолжил объяснения лейтенант.

– В гостинице он встречался с кем-нибудь? – спросил Борис.

– Кажется, ужинал с клиентами. Потом ушел к себе в номер. Так утверждают его сотрапезники. Но мы пока проверяем их версии.

Роза занесла в блокнот и эту подробность. Заглянув ей через плечо, Мила успела прочесть: «Опросить постояльцев гостиницы и уточнить время».

– Полагаю, сам Берман пока ничего не сказал, – вставил Горан скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Подозреваемый Александр Берман отказывается говорить без адвоката.

Тем временем они дошли до стоянки. Вокруг машины Бермана уже натянули белое полотнище, чтобы скрыть от любопытных взглядов зрелище смерти. Но это лицемерная предосторожность. Перед лицом особо зверских преступлений смущение – лишь маска. Горан Гавила это давно усвоил. Смерть, особенно насильственная, странным образом притягивает живых. Труп у всех вызывает жгучее любопытство. Смерть – весьма соблазнительная особа.

Перед тем как ступить за ограждение, все надели пластиковые бахилы, спрятали волосы под шапочку, натянули стерильные перчатки. Затем пустили по кругу тубик с камфарной пастой. Каждый помазал себе под носом, чтобы не чувствовать запаха.

Это был согласованный ритуал, не требующий объяснений, и к тому же способ достичь необходимой сосредоточенности. Взяв тубик из рук Бориса, Мила почувствовала себя причастной к этой особой общности людей.

Лейтенант дорожной полиции, который сопровождал их, сразу растерял всю уверенность и долго медлил. Потом все-таки решился и шагнул вперед.

Вступая в новую реальность, Горан обратил взгляд к Миле, она кивнула ему, и это его немного успокоило.

Первый шаг всегда самый трудный. На нескольких квадратных метрах, где солнечный свет искажало свечение галогеновых ламп, возникла иная вселенная со своими правилами и физическими законами, совершенно отличными от правил привычного мира. К трем измерениям – высоте, ширине и глубине – добавилось четвертое – пустота. Каждый криминалист знает, что именно в «пустотах» места преступления содержатся ответы. Заполнив эти пустоты присутствием жертвы и палача, можно воссоздать порядок преступных действий, придать смысл насилию, прояснить неизвестное. Время расширяется до предела, но долго это напряжение продлиться не может и больше не повторится. Поэтому первые впечатления здесь являются самыми важными.

У Милы они сводились главным образом к обонянию.

Несмотря на камфару, запах был пронзительный. Запах смерти, вопреки здравому смыслу, обладает тошнотворной сладостью. Сначала он наносит мощный удар по желудку, но тут же, в подступившей тошноте, в глубине этого запаха ты обнаруживаешь даже нечто приятное.

Члены группы быстро окружили машину Бермана. Каждый облюбовал наблюдательный пост, наметив для себя главные точки осмотра. Словно глаза каждого покрыли координатной сеткой каждый квадратный сантиметр пространства, не упустив ни одной мелочи.

Мила последовала за Гораном к багажнику машины.

Он был открыт, как оставил его агент, обнаруживший труп. Горан наклонился над ним, и Мила последовала его примеру.

Они не сразу увидели труп, так как в багажнике находился огромный черный пластиковый мешок, в котором просматривались контуры тела.

Это и есть тело девочки?..

Мешок плотно облепил ее, повторяя черты лица во всех деталях. Рот разинут в немом крике, и воздух будто втянут в этот черный провал.

Поруганная плащаница.

Анника. Дебби. Сабина. Мелисса. Каролина.... Или это номер шесть?

Можно различить глазницы и очертания откинутой назад головы. Тело лежит не кое-как, напротив, положение конечностей фиксированное, словно их поразил мгновенный разряд. В этой неподвижной плоти явно чего-то не хватало. Да, не хватало руки. Левой.

– Ну что ж, начнем анализировать, – сказал Горан.

Методика криминалиста состояла в постановке вопросов. Пусть самых простых, на первый взгляд незначительных. Вопросы, на которые они все вместе попытаются найти ответ. В данном случае каждое мнение имеет значение.

– Во-первых, *установка*. Ну-ка, скажите мне, для чего мы здесь.

– Я начну, – подал голос Борис, стоявший со стороны кабины водителя. – Мы здесь на предмет исчезнувшего свидетельства о регистрации.

– Что вы думаете по этому поводу? Этого объяснения достаточно? – Горан обвел взглядом присутствующих.

– Контрольно-пропускной пункт, – заявила Сара Роза. – Их понаставили десятки, почти всюду, с тех пор как начали пропадать девочки. Это могло сработать и сработало... Удача, можно сказать.

Горан покачал головой: он не был фаталистом.

– Для чего он так рисковал, если возил с собой такой компрометирующий груз?

– Быть может, хотел от него избавиться, – предположил Стерн. – Или боялся, что мы выйдем на него, и решил до предела увеличить расстояние между собой и уликами.

– Мне тоже кажется, что речь идет о попытке запутать следы, – подхватил Борис. – Только не удалась попытка.

Мила догадалась – они уже все решили: Александр Берман и есть Альберт. И только у Горана, похоже, есть сомнения.

– Нам еще предстоит понять, каков был его план. Пока у нас только труп в багажнике. Но изначальный вопрос был другой, и ответа на него я не услышал. Зачем мы здесь? Что привело нас к этой машине, к этому трупу? С самого начала мы установили, что наш подозреваемый умен и хитер. Быть может, умнее нас. Фактически он несколько раз обвел нас вокруг пальца, умудрившись похитить девочек в разгар объявленной тревоги. Так неужели же его подвело отсутствие дурацкого свидетельства о регистрации?

Какое-то время все молчали, обдумывая этот вопрос.

Тогда криминолог снова обратился к лейтенанту дорожной полиции, который держался в сторонке, не подавал голоса и был блее белой рубашки, надетой под форменную куртку.

– Лейтенант, вы говорите, Берман потребовал присутствия адвоката, так?

– Так точно.

– Быть может, его удовлетворит ваш юрист, ведь пока что мы хотим просто поговорить с подозреваемым и дать ему возможность опровергнуть результаты выводов, к которым мы придем, закончив здесь нашу работу?

– Мне распорядиться?

Он так надеялся, что Гавила его отпустит, и Горан решил его пощадить.

– Возможно, Берман уже подготовил свою версию событий. Лучше бы нам застать его врасплох и попытаться поймать на противоречии, прежде чем он затвердит ее наизусть, – добавил Борис.

– Хочу надеяться, что он, сидя там, взаперти, успел также пригласить на суд и свою совесть.

При этих словах лейтенанта криминалисты стали недоверчиво переглядываться.

– Так вы что, оставили его одного? – спросил Горан.

Лейтенант опешил:

– Мы посадили его в одиночку, как положено. А в чем...

Он не успел закончить фразу. Первым сорвался с места Борис. Одним прыжком он перемаяхнул через ограждение, за ним помчались Стерн и Сара Роза, на бегу стаскивая бахилы, чтобы не поскользнуться.

Мила, как и юный лейтенант дорожной полиции, похоже, не поняла, в чем дело. Горан бросился за остальными, пояснив напоследок:

– Это большой риск: надо было держать его под наблюдением!

Только тогда и Мила, и лейтенант сообразили, в чем состоит риск, о котором говорил криминалист.

Некоторое время спустя все собрались перед дверью камеры, куда поместили Бермана. Борис предъявил удостоверение, и охранник поспешно открыл им смотровой глазок. Но Александра Бермана сквозь него не было видно.

«Выбрал самый надежный угол», – подумал Горан.

Пока полицейский отпирал тяжелые замки, лейтенант пытался успокоить всех, а главным образом себя, то и дело повторяя, что такова установленная процедура. У Бермана отобрали часы, брючный ремень, галстук и даже шнурки от ботинок. При нем не осталось ничего, чем бы он мог нанести себе вред.

Но это утверждение было опровергнуто, как только отворилась дверь камеры.

Человек полулежал в углу камеры. В самом надежном углу.

Спиной он прислонился к стене, руки скрестил на животе, ноги широко раздвинул. Рот был весь в крови. И все тело покоилось в черной луже.

Он выбрал самый нетрадиционный способ самоубийства.

Александр Берман прогрыз себе вены на запястьях и дождался смерти от потери крови.

7

Ее обязательно вернут домой.

С этим невысказанным обещанием они забрали тело девочки.

Справедливость будет восстановлена.

После самоубийства Бермана это обязательство нелегко выполнить, но они все равно попробуют.

Теперь труп находится у них, в Институте судебной медицины.

Доктор Чан поправил свисающий с потолка микрофон, чтобы он располагался перпендикулярно стальному столу морга. Затем включил запись.

Вооружившись скальпелем, он прежде всего провел им по пластиковому мешку, прочертив очень точную прямую линию. Затем аккуратно отложил хирургический инструмент и двумя пальцами ухватил края разреза.

Единственным источником света в помещении была слепящая лампочка над операционным столом. Все остальное было погружено во тьму. И в этой темной бездне были только Горан и Мила. Больше никто из группы не считал нужным присутствовать на церемонии.

Судебный медик и двое приглашенных были в стерильных халатах, перчатках и масках, дабы избежать заражения.

С помощью солевого раствора Чан начал медленно раздвигать края мешка, освобождая тело от плотно облепившего его пластика. Потихоньку, очень аккуратно и терпеливо.

Постепенно тело открылось. Мила разглядела юбочку из зеленого вельвета, белую блузку и вязаный жилет. Потом показался фланелевый блейзер.

Чан приступил к работе, и взору представали все новые детали. Патологоанатом дошел до грудного отдела на уровне отсутствующей руки. Блейзер, однако, не был перепачкан в крови. Руку отпилили на уровне левого плеча; в том месте торчал обрубок.

– Он убил ее не в этой одежде. А потом уже передел труп, – пояснил Чан.

Это «потом уже» эхом пронеслось по темной комнате, словно брошенный в пропасть камень, отскакивающий от стенок бездонного колодца.

Чан обнажил правую руку девочки. На запястье был браслет с подвешенным брелоком в виде маленького ключика.

Добравшись до шеи, судмедэксперт на миг прервался, чтобы утереть пот со лба небольшим полотенцем. Мила только теперь заметила у него испарину. Он дошел до самого сложного места и опасается, что, отлепляя пластик от лица, повредит эпидермис.

Ей уже приходилось присутствовать на вскрытиях. Обычно судебные медики не слишком церемонятся с трупами: запросто разрезают их и зашивают. Но тут она поняла: Чан хочет, чтобы родители в последний раз увидели свою девочку в наилучшей форме, и потому осторожничает. Это вызвало в ней уважение к Чану.

Наконец, спустя несколько бесконечных минут, врач ухитрился полностью освободить лицо от черного мешка. Мила увидела ее и сразу узнала.

Дебби Гордон. Двенадцать лет. Первая жертва.

Широко открытые глаза. Разинутый рот. Она как будто отчаянно пытается что-то сказать.

Волосы сколоты заколкой в виде белой лилии. *Он к тому же причесал ее.* «Какая нелепость!» – подумала Мила. Ему проще проявить сочувствие к трупу, чем к живой девочке! Но потом она решила, что причина такой заботы совсем иная.

Он приукрасил ее для нас!

Догадка привела ее в ярость. Но она также поняла, что этот посыл предназначен не ей, а кому-то другому. Ведь скоро она должна будет выйти из этой тьмы на свет и сообщить и без того убитым горем родителям, что жизнь их в самом деле окончена.

Доктор Чан обменялся взглядом с Гораном. Пришло время установить, с каким типом убийцы они столкнулись. Был ли его интерес к этому существу обобщенным или зверски направленным. Иными словами, имело ли место насилие сексуального характера.

С одной стороны, все в этой комнате надеялись, что судьба избавила бедняжку хотя бы от этого надругательства, а с другой – рассчитывали, что насилие все-таки было, ведь в этом случае убийца, возможно, оставил биоматериал, по которому его можно будет опознать.

Есть точная процедура, касающаяся случаев возможного изнасилования. И Чан, не видя причин обходить ее, начал с анамнеза, который состоит в поиске и воссоздании способа агрессии, коль скоро нет возможности установить факты на основании показаний потерпевшей.

Следующим этапом был общий осмотр. Оценка физического состояния, сопряженная с фотодокументированием, описание внешнего вида и внутренних повреждений, которые могли бы помочь обнаружить следы борьбы и сопротивления.

Обычно осмотр начинается с описи предметов одежды. Затем переходят к поиску подозрительных пятен на одежде, а также волокон, волос, пленок. И наконец, приступают к так называемым *подногтевым соскобам*, то есть к извлечению острым предметом вроде зубочистки остатков кожи убийцы из-под ногтей жертвы (в случае самозащиты) или земли и различных волокон для определения места убийства.

Результат и на сей раз оказался отрицательным. Состояние трупа, если не считать ампутации конечности, было превосходным, а ее одежда – совершенно чистой.

Как будто тело вымыли, прежде чем засунуть в мешок.

Третий, наиболее глубоко проникающий в ткани этап, сводился к гинекологической процедуре.

Чан взял кольпоскоп и вначале осмотрел внутреннюю поверхность бедер на предмет пятен крови, следов спермы и других выделений насильника. Потом придвинул металлический поднос и набор для вагинального исследования из двух тампонов: один – для соскоба, другой – для мазка. Он приготовил два покровных стекла: на первое нанес полоску соскоба, второе оставил сушиться на воздухе.

Мила знала, что эти стекла послужат для возможной генетической типизации убийцы.

И последний этап, самый жестокий. Доктор Чан согнул заднюю часть стального стола, приподнял ноги девочки двумя опорами, а сам примостился на табурете и, глядя в увеличительное стекло, оборудованное специальной ультрафиолетовой лампой, стал выискивать внутренние ссадины.

Спустя несколько минут он повернул голову к Горану и Миле и вынес хладнокровный приговор:

– Он ее не тронул.

Мила кивнула и, перед тем как выйти из операционной, склонилась над телом Дебби и сняла с запястья браслет с маленьким ключиком. Эта вещичка и сообщение о том, что девочка не была изнасилована, станут единственным утешением, которое она может предложить супругам Гордон.

Едва отойдя от Чана и Горана, Мила почувствовала неодолимое желание снять стерильный халат. Она ощущала себя грязной с ног до головы. Заглянув в раздевалку, она остановилась перед большой фаянсовой раковиной, открыла горячую воду, подставила руки под струю и стала отчаянно оттирать их.

Отмываясь с необъяснимой яростью, она подняла глаза к висевшему перед ней зеркалу. Ей показалось, она видит маленькую Дебби, которая вошла в раздевалку в зеленой юбочке, синем блейзере, с заколкой в волосах и, опершись на единственную оставшуюся у нее руку, села на скамейку у стены. Так она сидела и смотрела на Милу, болтая ногами. Потом стала открывать и закрывать рот, как бы разговаривая с ней. Но так ничего и не произнесла. А Миле

так хотелось расспросить ее о названной сестре. О той, что пока была для всех девочкой номер шесть.

Потом галлюцинация рассеялась.

Вода из крана все лилась. К потолку широкими волнами поднимался пар, покрыв почти всю поверхность зеркала.

И только тогда Мила ощутила боль.

Она опустила глаза, инстинктивно отдернула руки от струи горячей воды. Кожа на тыльной стороне ладоней покраснела, а на пальцах уже вздулись волдыри. Мила тут же обмотала их полотенцем и направилась к аптечке искать бинты.

Никто не должен знать о том, что с ней случилось.

Открыв глаза, она первым делом вспомнила про обожженные руки и рывком села, резко вернувшись к реальности. Перед глазами был шкаф с треснутым зеркалом, слева от него комод и окно с опущенными жалюзи, сквозь которые тем не менее просачивался сизоватый свет. Мила уснула одетая, так как одеяло и простыни в номере убогого мотеля были все в пятнах.

Отчего она проснулась? Может быть, кто-то стучал. Или ей это приснилось?

Стук повторился. Она встала и подошла к двери, чуть приоткрыв ее.

– Кто здесь? – задала она глупый вопрос, глядя на улыбающуюся физиономию Бориса.

– Я за тобой. Через час начинаем обыск в доме Бермана. Остальные нас ждут. А я захватил тебе завтрак. – Он помахал у нее перед носом бумажным пакетом, в котором, по всей вероятности, были кофе и круассан.

Мила быстро оглядела себя. Вид не слишком презентабельный, но, может, это и к лучшему, а то у коллеги гормоны не к месту разыгрались. Она пригласила его войти.

Борис шагнул в комнату, озадаченно осмотрелся, а Мила подошла к раковине в углу ополоснуть лицо и главным образом спрятать забинтованные руки.

– Тут стало даже хуже, чем было на моей памяти. – Он понюхал воздух. – И запах тот же.

– Это средство от насекомых.

– Когда я оказался в команде, то целый месяц искал квартиру. А ты знаешь, что здесь одним ключом открываются все номера? Клиенты имеют обыкновение уезжать, не заплатив, и хозяин уже устал менять замки. Так что ночью ты лучше передвинь комод к двери.

Мила поглядела на него в зеркало над раковиной.

– Спасибо за совет.

– Нет, серьезно. Я могу помочь, если хочешь переселиться куда-нибудь попроще.

Мила вопросительно приподняла бровь:

– Уж не к себе ли приглашаешь, спецгент?

Он смутился и поспешил оправдаться:

– Да нет, я просто могу поспрашивать у знакомых: может, кто готов потесниться.

– Я не собираюсь задерживаться надолго, – пожала плечами Мила.

Она вытерла лицо полотенцем и нацелилась на принесенный им пакет. Забрав его из рук Бориса, она уселась на кровать, скрестив ноги, и заглянула внутрь.

Кофе и круассан, как она и ожидала.

Бориса удивил и этот жест, и ее перебинтованные руки. Но он ничего не сказал, а лишь робко поинтересовался:

– Голодная?

Она ответила с набитым ртом:

– Два дня ничего не ела. Если б не ты, я бы сейчас вряд ли нашла в себе силы переступить порог.

Мила знала, что не должна говорить такие вещи: звучало слишком ободряюще. Но она не нашла иного способа поблагодарить его, к тому же действительно проголодалась. На лице Бориса засияла торжествующая улыбка.

– Ну и как тебе у нас? – спросил он.

– Я неприхотлива, так что все нормально.

«Если не считать твоей подруги Сары Розы, которая меня практически ненавидит», – но этого Мила вслух не сказала.

– Я в восторге от твоей догадки насчет кровных сестер.

– Мне просто повезло. Я порылась в детских воспоминаниях. Наверняка и ты делал глупости в двенадцать лет, не так ли?

Он растерянно и безуспешно думал, что ответить, и Мила опередила его улыбкой:

– Шучу, Борис.

– Ну конечно, – отозвался он, покраснев.

Мила доела последний кусок, облизала пальцы и набросилась на второй круассан в пакете, который Борис принес для себя, однако при виде такого аппетита протестовать не решился.

– Скажи мне вот что, Борис... почему вы называли его Альбертом?

– Это любопытная история. – Он без стеснения сел рядом с ней и начал рассказывать: – Пять лет назад мы столкнулись с очень странным случаем. Серийный убийца похищал женщин, насиловал, душил и подбрасывал нам трупы без правой ступни...

– Без правой ступни?

– Именно! Никто не мог понять, почему этот аккуратист и чистюля не оставляет следов, кроме вот этой ампутации. А удары, сукин сын, наносит непредсказуемо. В общем, нашли мы уже пять трупов и все никак не могли его поймать. И тут у доктора Гавилы возникла идея...

Мила прикончила второй круассан и принялась за кофе.

– Что за идея?

– Он велел нам искать в архивах все дела, даже самые нелепые или банальные, где фигурировали ступни.

Мила озадаченно уставилась на него.

Потом высыпала в стаканчик три пакетика сахара. Борис это заметил, поморщился, хотел было как-то отреагировать, но предпочел не прерывать рассказ.

– Мне тоже вначале это показалось абсурдом. Но что делать – мы стали рыться в делах и наткнулись на воровство женских туфель, выставленных перед обувными магазинами. Выставляют всего одну туфлю каждого размера и каждой модели, ну, чтоб не воровали, и обычно правую, чтобы покупателям было легче примерить.

Мила застыла со стаканчиком кофе в руке – так поразила ее эта интуиция сыщика.

– Вы стали караулить в обувных магазинах и поймали вора?

– Альберта Финли. Инженера тридцати восьми лет, женатого, отца двоих малолетних детей. У него был загородный дом и фургон для путешествий.

– Обычный человек.

– В гараже мы обнаружили морозилку, и там были аккуратно завернутые в целлофан пять правых женских ступней. Он для развлечения обувал их в украденные туфли. Своеобразное наваждение фетишиста.

– Правая нога, левая рука. Поэтому и Альберт!

– Ну да, – кивнул Борис и в знак одобрения положил ей руку на плечо.

Мила резко стряхнула ее и поднялась. Молодой полицейский обиженно нахмурился.

– Извини, – сказала Мила.

– Без проблем.

Это было не так, и Мила ему не поверила. Но решила притвориться, что верит. Она снова повернулась к раковине. «Я мигом соберусь, и поедем».

Борис поднялся и пошел к двери:

– Не торопись. Я подожду тебя в машине.

Она проводила его взглядом и посмотрелась в зеркало.

– О господи, когда же это кончится? – спросила она себя. – Когда я снова смогу терпеть чьи-то прикосновения?

За весь путь к дому Бермана они не обменялись ни словом. Сев в машину, Мила обнаружила включенное радио как намек на путешествие без всякого общения. Борис обиделся, и, возможно, у нее в группе появился еще один враг.

Добрались они чуть меньше чем за полтора часа. Жилище Александра Бермана оказалось загородным домиком, утопающим в зелени тихого предместья.

Улица была перекрыта. За ограждением толпились любопытные – соседи и журналисты. Взглянув на них, Мила подумала: ну все, началось! В дороге она слышала по радио новости о том, что найден труп маленькой Дебби; упомянули также имя Бермана.

Мотив этой медийной эйфории простой: сейчас они зубами вцепятся в этот сюжет и в мгновение ока не оставят камня на камне от жизни Бермана. Его самоубийство равнозначно признанию вины. Поэтому СМИ изо всех сил станут отстаивать свою версию. Они без малейших сомнений уверены в роли этого монстра, и подобное единодушие – их главный довод. Они подвергнут его расчленению так же, как он предположительно поступил со своими малолетними жертвами, и даже не заметят иронии в этой параллели. Они выльют литры крови, дабы новость на первую полосу выглядела аппетитнее. Прочь сдержанность и беспристрастие! А если кто-то посмеет усомниться, они мгновенно выставят свое вечное «право хроники», прикрывая таким образом собственное оголтелое бесстыдство.

Выйдя из машины, Мила протолкалась сквозь толпу репортеров и зевак, вошла за ограждение, поставленное силами правопорядка, и направилась к подъездной аллее, ведущей к дому. Несмотря на быстрый шаг, ей не удалось уклониться от слепящих вспышек. На подходе она поймала взгляд Горана, стоявшего у окна. И вдруг ощутила абсурдное чувство вины за то, что он видел, как она подъехала с Борисом, после чего сразу же обругала себя дурой.

Но Горан уже снова смотрел внутрь дома, порог которого через минуту переступила Мила.

Стерн и Сара Роза с помощью других сыщиков уже развернули оживленную деятельность – сновали взад-вперед по дому, как деловитые муравьи. Они успели все перевернуть вверх дном: просеять ящики через частое сито, обшарить стены, обнюхать каждый угол в поисках улики, которые позволили бы прояснить дело.

И вновь Мила не смогла подключиться к обыску: Сара Роза бросила ей прямо в лицо, что она не более чем наблюдатель и на большее права не имеет. И Мила стала осматриваться, держа руки в карманах, чтобы не давать объяснений по поводу забинтованных рук.

Ее внимание привлекли фотографии.

В элегантных ореховых и серебряных рамках повсюду стояли и висели десятки снимков, представляя счастливые моменты жизни Бермана и его жены. Жизни, которая была уже далека и казалась невозможной. Они много путешествовали, отметила Мила. В каких только краях не побывали! Но, по мере приближения к настоящему времени, по мере старения, выражение их лиц изменялось. Что-то стоит за этими снимками, это несомненно. Но что – она пока не поняла. При входе в дом ее охватило странное ощущение, которое теперь, кажется, стало проясняться.

Чье-то присутствие.

Среди сновавших по дому агентов обнаружилась еще одна наблюдательница. Мила узнала ее по фотографиям: Вероника Берман, жена предполагаемого убийцы. Она тут же

поняла, что эта женщина с характером. Она держалась с гордым достоинством, в то время как чужие люди рылись без спросу в ее вещах, бесцеремонно нарушая их личный характер и святость воспоминаний. В ней не было смирения, лишь молчаливое согласие. Она выразила старшему инспектору Рошу свою готовность сотрудничать, хотя и утверждала, что все эти чудовищные обвинения против ее мужа беспочвенны.

Мила долго наблюдала за ней, пока нечто другое неожиданно не отвлекло ее внимание.

Коллекция *забальзамированных бабочек*, занимавшая целую стену.

Они хранились в стеклянных рамках. Были среди них и странные, и совершенно изумительные экземпляры. Под каждой вывешена медная табличка с выгравированным именем и местом обитания. Самые великолепные происходили из Африки и Японии.

– Они так прекрасны, потому что мертвы.

Это сказал подошедший Горан, который стал рассматривать стену вместе с ней. Сегодня на нем был черный пуловер и вигоневые брюки. Воротничок рубашки с одной стороны выглядывал из выреза пуловера.

– Перед такой картиной мы забываем главное и очевидное. Эти бабочки больше не взлетят.

– Это неестественно, – согласилась Мила. – Но так завораживает.

– Именно так действует смерть на отдельных личностей. Отсюда и серийные убийцы.

Горан сделал почти незаметный жест, но его было довольно, чтобы вся группа мгновенно собралась вокруг него. Признак того, что, несмотря на занятость, они не упускали его из виду, ожидая, когда он что-нибудь скажет или сделает.

Мила в очередной раз убедилась в том, как верит группа в его проницательность. Горан – их вожак. Это очень странно, поскольку он ведь не полицейский, а «фараоны» (по крайней мере, в ее кругу) неохотно доверяют гражданским лицам. Было бы верней называть группу «командой Гавилы», нежели «командой Роша», который обычно уклоняется от личного присутствия. Он появится, когда сыщики нароют классические, неопровержимые доказательства и окончательно пригвоздят Бермана.

Стерн, Борис и Роза окружили доктора согласно привычной схеме, в которой каждому отведено свое место. Мила осталась на шаг позади: чтобы опять не нарваться на исключение, исключила себя сама.

Горан заговорил тихо, задавая тон остальным, – видимо, не хотел волновать Веронику Берман.

– Ну и что мы имеем?

Вместо ответа Стерн первым помотал головой:

– В доме нет ничего, что могло бы увязать Бермана с девочками.

– Жена явно не в курсе. Я задал ей несколько вопросов, и непохоже, что она лжет, – добавил Борис.

– Наши прочесывают сад с собаками, обученными на поиск трупов, – сказала Роза. – Но пока безрезультатно.

– Необходимо восстановить все перемещения Бермана за последние шесть недель.

Все закивали в ответ на эти слова Горана, хотя и понимали, что это практически невозможно.

– Стерн, что еще?

– На банковском счете ничего необычного. Самым значительным расходом Бермана за последний год была оплата искусственного оплодотворения жены, что обошлось ему в кругленькую сумму.

Слушая Стерна, Мила смогла ухватить ощущение, ускользнувшее от нее, когда она разглядывала фотографии. Она ошиблась: дело не в присутствии, как она предположила вначале.

Дело в *отсутствии*.

В этом доме, обставленном дорогой, но безликой мебелью, чувствуется отсутствие ребенка и уверенность супругов в том, что им суждено доживать свой век одним. Поэтому упомянутое Стерном искусственное оплодотворение выглядит парадоксом в сравнении с атмосферой, обитатели которой давно уже не ждут такого Божьего дара, как дитя.

В заключение Стерн набросал краткий портрет Бермана в быту:

– Наркотики не употреблял, не пил и не курил. Имел абонемент в спортзал и видеотеку, где брал только документальные фильмы о насекомых. Посещал лютеранскую церковь неподалеку, два раза в месяц дежурил в местном хосписе.

– Святой, да и только! – съязвил Борис.

Горан оглянулся на Веронику – не слышала ли она последней реплики, – потом обратился к Розе:

– А у тебя что?

– Я отсканировала жесткие диски – дома и в офисе – и запустила программу восстановления удаленных файлов. Но тут тоже ничего интересного. Только работа, работа, работа. Этот тип был зациклен на работе.

Мила заметила, что Горан внезапно отвлекся. Длилось это недолго: он тут же снова сосредоточился на разговоре:

– Из Интернета что-нибудь выудила?

– Я связалась с его провайдером и получила список сайтов, которые он посещал последние полгода. Но и там пусто. Он интересовался сайтами о природе, путешествиях, животных. Через Интернет он приобретал антиквариат и коллекционных бабочек.

Роза умолкла. Горан скрестил руки на груди и обвел взглядом своих сотрудников. Поглядел он и на Милу, отчего она наконец-то ощутила свою причастность происходящему.

– Ну и что вы об этом думаете? – спросил доктор.

– Прямо глаза слепит, – мгновенно отозвался Борис и подчеркнул свои ощущения, прикрыв глаза рукой. – Уж больно чистенький.

Все опять кивнули в знак согласия.

Мила не поняла, на что он намекает, но переспрашивать не стала. Горан провел рукой по лбу и потер усталые глаза. На лице его опять появилось выражение *той самой задумчивости*. Какая-то мысль на секунду-другую уводила его от всех, но почему-то криминалист отодвигал ее в сторону.

– Каково первое правило разработки подозреваемого?

– У всех есть свои секреты, – торжественно изрек Борис.

– Именно, – подхватил Горан. – У всех свои слабости, и нет человека, который хотя бы раз в жизни им не поддался. У каждого из нас есть малый или большой секрет, в котором невозможно признаться. Но оглянитесь вокруг: этот человек был образцом семьянина, верующего, труженика. – Горан перечислял, разгибая пальцы. – Филантроп, следит за здоровьем, берет напрокат документальные фильмы, не имеет пороков, *коллекционирует бабочек*. Похож он на реального человека?

Ответ на сей раз был очевиден. Нет, не похож.

– Откуда у подобного персонажа труп девочки в багажнике?

– Он собирался уничтожить улики, – высказался Стерн.

Горан развил его мысль:

– Он ослепил нас своей образцовостью, чтобы мы не искали в других местах. А где мы с вами еще не искали?

– Так что же мы должны делать? – спросила Роза.

– Начнем сначала. Ответ находится среди всего, что вы пересмотрели. Надо опять просеять весь материал через сито, снять с него блестящий налет. Не дайте себя обмануть образцовой жизнью: этот блеск нужен только для того, чтобы отвлечь нас и запутать. И еще вам надо...

Горан опять потерял нить. *Сосредоточил внимание на чем-то другом.* На сей раз это заметили все. Какая-то мысль крепла у него в голове.

Мила проследила за его взглядом, блуждавшим по комнате. Он не просто пребывает в пустоте, нет, он явно что-то рассматривает.

И тут Гавила громко спросил:

– Кто-нибудь прослушал автоответчик?

Все застыли, уставившись на аппарат, который красным глазком подмигивал присутствующим, и мгновенно почувствовали себя виноватыми: как же они могли такое забыть? Горан, не придавая значения их растерянности, шагнул вперед и просто нажал кнопку воспроизведения.

Из аппарата донеслись слова покойника.

Александр Берман в последний раз вошел в свой дом.

– Э-э... *Это я... Э-э... У меня мало времени... Но я все равно хочу тебе сказать, что сожалею... Обо всем сожалею... Надо было раньше сказать, но я не решался... Прости, если можешь. Это я во всем виноват...*

Сообщение прервалось, в комнате воцарилась мертвая тишина. Все взгляды, как и следовало ожидать, устремились на Веронику Берман, бесстрастную, словно статую.

Только Горан Гавила не замер в неподвижности. Он подошел к госпоже Берман, приобнял ее за плечи и передал на руки женщине-полицейскому, которая отвела ее в другую комнату.

Потом Стерн, опомнившись, высказался за всех:

– Ну что, господа, судя по всему, у нас есть признание.

8

Она бы назвала ее *Присциллой*.

Пользуясь методом Горана Гавилы, который наделял именами разыскиваемых преступников, чтобы очеловечить их, сделать реальными людьми, а не бесплотными тенями. Именно так Мила назвала бы жертву номер шесть, присвоив ей имя более счастливой девочки, которая сейчас где-то (кто знает где) продолжает жить, как все другие девочки, не ведая о том, чего избежала.

Мила приняла это решение по пути обратно в мотель. На сей раз ее отвозил другой агент: Борис не вызвался, и Мила не осуждала его, после того как столь резко оттолкнула утром.

Решение назвать шестую девочку Присциллой объяснялось не только потребностью очеловечить ее. У Милы был и другой мотив: она не могла больше называть ее по номеру. Судя по всему, только ее, Милу, теперь интересует установление личности; остальные после прослушивания автоответчика уже не считают это приоритетным.

У них есть труп в багажнике и запись на автоответчике, которая фактически является признанием вины. Усердствовать больше не имеет смысла. Теперь надо только связать торгового агента с другими жертвами и сформулировать мотив. Возможно, это уже сделано.

Жертвы – не девочки, а их семьи.

Горан подбросил ей эту мысль, когда они наблюдали за родителями девочек через стекло в море. «Эти супруги по разным причинам завели только одного ребенка. Матерям хорошо за сорок, и они едва ли питают надежду вновь забеременеть.... Это они подлинные жертвы. Он их изучил, выбрал. Одна-единственная дочь. Он хотел лишить их всякой надежды на то, чтобы снять траур и попробовать забыть о потере. Им до конца дней придется помнить о ране, которую он нанес. Он умножил их боль, отняв у них будущее. Лишил их возможности оставить память о себе и преодолеть собственную смерть. Он этим питается. Это награда за его садизм, источник его наслаждения».

У Александра Бермана детей не было. Он пытался завести их и подверг жену искусственному оплодотворению. Но ничего не вышло. Возможно, поэтому он обрушил свою ярость на те несчастные семьи. Возможно, он мстил им за свое бесплодие.

«Нет, это не месть, – думала Мила. – Тут что-то другое». Она, в отличие от прочих, не желала останавливаться, хотя толком и не понимала почему.

Машина подъехала к мотелю, и Мила вышла, поблагодарив полицейского, который ее подвез. Он кивнул в ответ и стал разворачиваться, оставив ее одну посреди гравийной площадки, опоясанной лесом, на который выходили окна бунгало. Дул холодный ветер, и единственным светом была неоновая вывеска, предлагавшая свободные номера с платным телевидением. Мила направилась в свое жилище. Все окна были темные.

Она здесь единственная гостья.

Проходя мимо комнатки сторожа, заметила в полутьме голубоватое свечение включенного телевизора. Он работал без звука, и самого сторожа на месте не было. В туалет, наверно, пошел, подумала Мила и двинулась дальше. Хорошо, что ключи она не сдавала, а то пришлось бы ждать, когда вернется сторож.

В руках у нее был бумажный пакет с сегодняшним ужином: кола и два тоста с сыром. А еще в сумке баночка мази, которой она потом намажет обожженные пальцы. Изо рта в ледяном воздухе шел пар, и Мила заторопилась, стуча зубами от холода. Ее шаги по гравию были единственным звуком, нарушавшим ночную тишь. Ее бунгало было последним в ряду.

«Присцилла», – повторяла она мысленно. Ей вдруг пришли на ум слова Чана, судмедэксперта: «Я думаю, он убивал их сразу, без колебаний, так как не считал нужным сохранять им жизнь дольше положенного. Способ убийства одинаковый у всех жертв. Кроме одной...»

Доктор Гавила попросил его пояснить, и Чан, вперив в него взгляд, ответил, что шестой пришлось еще тяжелее.

Эта фраза стала для Милы наваждением.

И не только потому, что шестая девочка заплатила более высокую цену, чем остальные. «Он искусственно замедлил кровопотерю, чтобы смерть была долгой. Не иначе хотел наслаждаться зрелищем». Нет, тут что-то иное. Отчего убийца изменил свой *modus operandi*? Как и тогда, на совещании с Чаном, Мила почувствовала щекотку в основании шеи.

До бунгало оставалось всего несколько метров, и она сосредоточилась на этом ощущении, уверенная, что на сей раз уж точно сумеет его ухватить. Погруженная в свои мысли, она споткнулась о какую-то неровность на земле.

И тут она услышала шорох.

Быстрый шорох за спиной мгновенно рассеял ее размышления. Шаги по гравию. Кто-то копирует ее поступь. Идет шаг в шаг, чтобы подкрасться незаметно. Стоило ей споткнуться, преследователь сбился с ритма и обнаружил себя.

Мила не растерялась и не замедлила шаг. Звук шагов преследователя снова совпадал с ее шагами. Предположительно он где-то метрах в десяти от нее. Мила начала перебирать варианты. Пистолет доставать из кобуры бесполезно: если он вооружен, то успеет выстрелить первым. Сторож, подумалось ей. Комнатка была пуста, а телевизор работал. «Может, от него уже избавились. И теперь моя очередь?» До порога бунгало два шага. Надо решаться. И она решилась. Выбора все равно нет.

Порылась в кармане в поисках ключа и быстро проскочила три ступеньки. Дверь открылась со второй попытки; сердце ухнуло куда-то вниз – и вот она уже в комнате. Она вытащила пистолет, протянула руку к выключателю. Загорелась лампа у кровати. Мила не двинулась с места, вытянувшись как струна, придавив дверь плечами и до предела напрягая слух. «Не напал, однако», – подумала она. Ей почудились шаги по дощатой площадке под навесом.

Борис говорил ей, что здесь для всех дверей один и тот же ключ, – хозяину надоело менять замки, поскольку неплательщики уезжают, забрав с собой ключ. «Тот, кто шел за мной, тоже знает это? Возможно, у него есть ключ, как и у меня». Она решила: если он попытается войти, она сможет захватить его врасплох.

Согнув колени, она соскользнула на заляпанный палас и ползком добралась до окна. Оперлась на стену и вытянула руку, чтоб открыть его. Петли застыли от холода. С трудом она все-таки сумела распахнуть одну створку и поднялась на ноги. Одним прыжком она очутилась на улице, снова в темноте.

Перед ней был лес. Верхушки высоких деревьев раскачивались синхронно, ритмично. Сзади мотель окружала бетонная дорожка, соединявшая между собой все бунгало. Мила вышла на нее, пригнувшись и стараясь уловить любое движение вокруг себя. Быстро миновала соседнее бунгало и еще одно. А затем остановилась в узком пространстве, отделявшем один домик от другого.

Теперь надо высунуться, нужно увидеть, что делается под навесом ее бунгало. Однако это риск. Она обхватила пистолет обеими руками, усиливая нажим; про боль от ожогов она совсем забыла. Быстро сосчитала до трех, сделала три глубоких вдоха и выглянула из-за угла с нацеленным стволом. Никого. Не может же быть, что все это ей причудилось? Она уверена, кто-то ее преследовал. Кто-то, умеющий бесшумно двигаться за мишенью, скрывая звук своих шагов.

Хищник.

Мила оглядела площадку в поисках врага. Не иначе улетучился с ветром под аккомпанемент оркестра деревьев, обступивших мотель.

– Простите...

Мила отскочила назад и уставилась на человека, не поднимая оружия, парализованная этим простым словом. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы узнать сторожа. Он понял, что напугал ее, и повторил:

– Простите. – На сей раз извиняющимся тоном.

– В чем дело? – отозвалась Мила, все еще не в силах унять бешеное сердцебиение.

– Вас к телефону.

Сторож указал на свою клетушку, и Мила направилась туда, не дожидаясь, когда он укажет ей дорогу.

– Мила Васкес, – сказала она в трубку.

– Добрый вечер, это Стерн. Доктор Гавила хочет вас видеть.

– Меня? – удивленно, однако с ноткой гордости переспросила она.

– Да. Мы позвонили полицейскому, который отвозил вас утром. Он возвращается за вами.

– Хорошо, – озадаченно ответила она.

Стерн больше ничего не добавил, и она решила спросить:

– Есть новости?

– Александр Берман кое-что скрыл он нас.

Борис пытался настроить навигатор, не упуская из виду полотно дороги. Мила неподвижно глядела перед собой и молчала. Гавила поместился на заднем сиденье, кутаясь в поношенное пальто и прикрыв глаза. Они едут в дом сестры Вероники Берман, где она прячется от репортеров.

Берман пытался что-то скрыть. К такому выводу Горан пришел на основе записи на автоответчике: «Э-э... Это я... Э-э... У меня мало времени... Но я все равно хочу тебе сказать, что сожалею... Обо всем сожалею... Надо было раньше сказать, но я не решился... Прости, если можешь. Это я во всем виноват...»

По распечаткам они установили, что Берман звонил с поста дорожной полиции примерно тогда, когда был обнаружен труп Дебби Гордон.

Горан вдруг спросил себя, почему человек в положении Александра Бермана, с трупом в багажнике и с намерением лишиться себя жизни при первом же удобном случае, отправил жене подобное телефонное послание.

Серийные убийцы не оправдываются. А если и оправдываются, то не потому, что испытывают чувство вины, а просто хотят создать себе иной имидж, что свойственно их натуре мистификаторов. Их цель – замаскировать истину, окутать ее дымовой завесой, какой окутаны они сами. Но у Бермана все иначе. В его голосе слышалась какая-то поспешность, словно он торопился довести что-то до конца, пока не поздно.

И за что он просил прощения?

Горан пришел к убеждению, что все это относится только к его отношениям с женой, и больше ни к чему.

– Будьте добры, доктор Гавила, повторите, пожалуйста.

Горан открыл глаза и увидел Милу, которая, обернувшись, смотрела на него в ожидании ответа.

– Возможно, Вероника Берман что-то про него узнала. И это стало причиной ссоры между ней и мужем. Я думаю, он просил у нее прощения за это.

– А почему это так важно для нас?

– Я не уверен, что так уж важно. Но человек в его положении не станет терять время на примирение с женой, если не преследует дальнейшую цель.

– И что это за цель?

– Возможно, жена сама не отдает себе отчета в том, что знает это.

– А он своим звонком решил урегулировать размолвку, чтобы жена не докопалась и не сообщила об этом нам?

– Да, я так думаю. Вероника Берман добровольно сотрудничает со следствием. Не думаю, что она стала бы скрывать от нас какие-то сведения, которые не имеют отношения к обвинению против ее мужа, а касаются только их двоих.

У Милы наконец прояснилось в голове. Криминолог тоже не склонен успокаиваться на достигнутом. Надо прежде все проверить. Поэтому Горан пока ничего не сообщил Рошу.

Они надеются выяснить какие-то важные подробности из разговора с Вероникой Берман. Борис, большой специалист по опросу свидетелей и причастных лиц, мог бы провести с ней неформальный разговор. Но Горан решил, что с женой Бермана повидаются только они с Милой. Борис смирился с этим как с приказом шефа, а не какого-то штатского консультанта. Но его враждебность по отношению к Миле усилилась. Он не мог понять, почему она должна участвовать в допросе.

Мила чувствовала напряжение и в самом деле не очень понимала, почему Гавила предпочел ее Борису, предоставив тому лишь проинструктировать ее, как вести разговор. Что он и делал до сего момента, то есть когда начал сражаться с навигатором, отыскивая место назначения.

Мила вспомнила реплику Бориса, когда Стерн и Роза набрасывали портрет Бермана: «Прямо глаза слепит. Уж больно чистенький».

Да, в такой идеальный облик поверить трудно. Как будто он специально подготовлен для кого-то.

«У всех есть свои секреты, – мысленно повторила Мила. – В том числе и у меня».

Всем есть что скрывать. Отец говорил ей в детстве: «Все в носу ковыряют. Некоторые стараются ковырять, когда никто не видит, но ковыряют все».

Какой же секрет был у Александра Бермана?

И что знает его жена?

Как зовут девочку номер шесть?

Они прибыли на место уже перед рассветом. Городок вклинился между небольшой церковью и изгибом дамбы; окна всех домов смотрят на реку.

У сестры Вероники Берман квартира над пивной. Сара Роза по телефону предупредила ее о визите. Как и следовало ожидать, жена Бермана не выказала протеста и не собиралась утаивать сведения. А предупреждение должно было убедить ее в том, что речь идет не о допросе. Но Веронику не интересовали реверансы спецагента Розы; она бы, наверное, смирилась и с допросом третьей степени.

Госпожа Берман приняла Милу и Горана, когда на часах еще не было семи утра; ее, казалось, несколько не смущали тапочки и халат. Она проводила их в гостиную и угостила только что сваренным кофе. Мила и Горан уселись на диване; Вероника опустилась на краешек кресла; у нее был потухший взгляд человека, не способного ни спать, ни плакать. Руки она сцепила на животе, и лишь по ним Горан понял, как она напряжена.

Комната была освещена теплым желтым светом лампы, прикрытой старым шарфом; от аромата цветов на подоконнике веяло уютом.

Сестра Вероники подала кофе и унесла пустой поднос. Они остались втроем, и Горан предоставил говорить Миле. Вопросы, которые она должна была задать, требовали большого такта. Мила медлила, прихлебывая кофе. Она решила не торопиться, дать женщине возможность полностью снять оборону. Борис предостерег ее: порой довольно одной неверной фразы, чтобы собеседник замкнулся и прекратил всякое общение.

– Госпожа Берман, простите, что мы свалились вам на голову в такой час. Мы понимаем, как вы устали.

– Ничего страшного, я привыкла рано вставать.

– Мы бы хотели прояснить характер вашего мужа. Только поняв, что он за человек, мы сможем составить представление о степени его причастности. А в этом деле, поверьте, еще столько темных мест. Расскажите нам о нем.

Вероника ничуть не изменилась в лице, разве что взгляд стал чуть жестче.

– Мы с Александром, – начала она, – познакомились еще в лицее. Он был старше меня на два года и играл в хоккейной команде. Игрок он был не бог весть какой, но все его любили. Моя подруга была с ним в одной компании, через нее и я с ним познакомилась. Мы начали вместе проводить время, но в компании, как друзья. Между нами тогда ничего еще не было, мы даже не думали, что нас может связывать что-то, кроме дружбы. Думаю, он не смотрел на меня как... ну, как на будущую невесту. Да и я тоже.

– Это пришло позже?

– Да. Странно, правда? По окончании лицея мы потеряли друг друга из виду и несколько лет не встречались. От общих друзей я знала, что он учится в университете. Потом он вдруг снова появился в моей жизни. Позвонил и сказал, что обнаружил мой телефон в записной книжке. Впоследствии я узнала, что он защитил диплом, вернулся в наш город и стал расспрашивать общих друзей обо мне.

Слушая ее, Горан подумал, что Вероника Берман не просто отдается ностальгическим воспоминаниям, но рассказывает с определенной целью, словно подводит их к какому-то месту, где они найдут то, зачем приехали.

– И с того момента вы начали встречаться, – сказала Мила.

Горан с удовлетворением отметил, что присланная к ним женщина-полицейский, вопреки инструкциям Бориса, не задает Веронике вопросы, а высказывает свои соображения, предлагая дополнить или уточнить их. Таким образом между ними сразу же завязалась беседа, а не допрос.

– И с того момента мы начали встречаться, – повторила жена Бермана. – Александр активно ухаживал за мной, уговаривал выйти за него. И в конце концов я согласилась.

Горан сосредоточился на последней фразе. Она резанула слух как ложь или хвастовство, поспешно вставленное в рассказ в надежде, что никто этого не заметит. Это свойство он подметил еще с первого раза. Вероника не красавица и, вероятно, никогда ею не была. Да и женственностью особой не отличается. Александр же был видный мужчина. Голубоглазый, улыбчивый, явно знавший о своем обаянии. Криминалисту не верилось, что он так уж уговаривал Веронику выйти за него замуж.

Тут Мила решила взять быка за рога:

– Но в последнее время у вас бывали размолвки.

Вероника выдержала паузу. Довольно долгую, на взгляд Горана; он даже подумал, что Мила рановато забросила удочку.

– У нас были проблемы, – признала наконец женщина.

– В прошлом вы пытались завести детей.

– Я прошла курс гормональной терапии. Потом мы попробовали ЭКО.

– Должно быть, очень хотели ребенка.

– В основном Александр настаивал на этом.

В голосе ее послышались оправдательные нотки; похоже, именно это было камнем преткновения между супругами.

Они близки к цели, с удовлетворением отметил Горан. Он похвалил себя, что выбрал Милу для того, чтобы разговорить вдову Бермана, поскольку считал, женщина сумеет лучше установить контакт и преодолеть возможное сопротивление Вероники. Конечно, он мог предпочесть Сару Розу, чем несколько не задел бы тщеславие Бориса. Но он предположил, что Мила больше подходит для этой роли, и не ошибся.

Она наклонилась над столиком, отделявшим их диван от кресла Вероники, чтобы поставить свою чашку, и незаметно переглянулась с Гораном. Он слегка кивнул, соглашаясь, что пришло время отбросить церемонии и попытаться установить главное.

– Госпожа Берман, за что муж просит у вас прощения на автоответчике?

Вероника отвернулась, пытаясь скрыть слезы, вдруг прорвавшиеся наружу.

– С нами вы можете быть вполне откровенны, – настаивала Мила. – Я не стану скрывать, что ни полицейский, ни прокурор не вправе заставлять вас отвечать на этот вопрос, поскольку он не имеет никакого отношения к расследованию. Но нам важно это знать, поскольку есть большая вероятность, что ваш муж невиновен.

Услышав последнее слово, Вероника Берман резко повернулась к Миле:

– Невиновен? Александр никого не убивал, но это не значит, что ему не в чем повиниться!

В ее изменившем голосе внезапно прозвучала мрачная ярость. Горан услышал то, что ожидал услышать. Мила тоже догадалась: Вероника ждала их, ждала этого визита и этого вопроса, к которому постепенно подводил весь ненавязчивый ход беседы. Они-то думали, что направляют разговор в нужное русло, но женщина определенно подготовила свой рассказ, с тем чтобы дойти до этого признания. Ей необходимо было рассказать об этом.

– Я подозревала, что у Александра есть любовница. Жена, как правило, не исключает такой вероятности и думает о том, сможет ли простить измену. Но рано или поздно всякой хочется знать наверняка. Поэтому однажды я стала рыться в его вещах. Я не отдавала себе отчета в том, что ищу, и не предвидела, как отнесусь, если найду доказательство.

– Что вы нашли?

– Подтверждение. Александр прятал электронную записную книжку, точь-в-точь такую же, какой пользовался для работы. Зачем заводить две одинаковые, как не для того, чтобы под видом первой прятать вторую? Так я узнала имя его любовницы. Он записывал в книжку все их свидания! Я поставила его перед фактом. Он отрицал, выкручивался, тут же выбросил вторую книжку. Но я не поддалась на его уловки. Более того, я приехала туда, где живет эта женщина, – это кошмарное место. У меня не хватило смелости войти в дом. Я только дошла до двери и повернула назад. Собственно, у меня и не было желания видеть ее.

«Неужели это и есть главный секрет Александра Бермана?» – спросил себя Горан. Любовница? И ради такой малости они сюда примчались?

Хорошо, что он не доложил Рошу о своей инициативе, а то бы старший инспектор, считавший дело закрытым, стал его презирать. Но ярость Вероники Берман уже разлилась полноводной рекой, и обманутая жена не собиралась отпускать их, пока не выплеснет все. Героическое покаяние мужа после того, как у него в багажнике обнаружили труп, возможно, было лишь предусмотрительной обороной, способом сбросить с себя тяжесть обвинения, очиститься от грязи. Найдя в себе силы разорвать пакт супружеской солидарности, Александр Берман принялся рыть себе могилу, из которой ему уже не выбраться.

Горан взглядом велел Миле закругляться. И в этот момент он заметил разительную перемену в своей напарнице – та была совершенно растеряна.

За долгие годы Горан научился распознавать на лицах следы страха. Вот и сейчас нечто повергло Милу в состояние, близкое к ступору.

Имя.

Он услышал, как она слабым голосом спросила Веронику Берман:

– Вы не могли бы повторить имя любовницы вашего мужа?

– Я же говорю, эту мерзавку зовут *Присцилла*.

9

Нет, таких совпадений не бывает.

Мила без утайки поведала всем подробности ее последнего дела, связанного с учителем музыки. А когда повторила слова сержанта Морешу, назвавшего ей имя, обнаруженное в записной книжке «монстра», Сара Роза закатила глаза, а Стерн сделал то же самое и вдобавок помотал головой.

Они ей не верят. И это понятно. Но Мила отказывалась признать, что здесь нет никакой связи. Только Горан позволил ей продолжать дело. Кто знает, чего же все-таки хочет этот криминолог? Миле нужно во что бы то ни стало докопаться до истины в этой игре случая. Но из отчета о беседе Милы с Вероникой Берман Горан вынес только одно: женщина выследила мужа в доме любовницы, куда они теперь и направляются. Возможно, там скрыты еще какие-то кошмары. Может быть, даже ненайденные трупы девочек.

И ответ на загадку, связанную с номером шесть.

Мила хотела признаться всем: «Я назвала ее Присциллой», но не стала. Теперь это казалось ей кошунством, как будто это имя выбрал сам Берман, палач.

Место представляло собой типичный убогий пригород. Классическое гетто, построенное где-то в шестидесятых в качестве фабричного района. Серые дома за годы облепила красноватая пыль расположенного поблизости сталелитейного завода; все явно нуждается в ремонте, и народ тут поселился никудышный: эмигранты, безработные, семьи, живущие на пособие.

Горан подметил, что никто из группы не решается смотреть на Милу. Все отгородились от нее, ведь она предоставила детали нового витка дела, фактически превысила полномочия.

– Что заставляет людей жить в таком месте? – поморщившись, произнес Борис.

Номер дома, который был им нужен, находился в конце квартала. Дверь была железная. Три окна первого этажа забраны решетками, а изнутри закрыты деревянными ставнями.

Стерн попытался заглянуть через них, сложив ладони ковшиком, неестественно выгнувшись, чтоб ненароком не запачкать брюки.

– Отсюда ничего не видно.

Стерн, Борис и Роза переглянулись и заняли позиции вокруг входа. Стерн сделал знак Горану и Миле держаться позади.

Борис встал перед дверью. Звонка не было, и он энергично постучал ладонью. Стук прозвучал угрожающе, но голоса он не повысил.

– Это полиция, откройте, пожалуйста.

Такой психологический нажим должен был выбить почву из-под ног подозреваемого: с одной стороны, нарочито спокойное обращение, с другой – настойчивое требование. Но в данном случае трюк не имел успеха, поскольку в доме, похоже, никого не было.

– Ладно, давайте войдем, – предложила Роза, самая нетерпеливая из группы.

– Сначала Рош должен сообщить, что получил ордер.

– К дьяволу Роша и к дьяволу ордер! – отрезала Роза. – Там может быть все что угодно!

– Она права, – сказал Горан. – Будем входить.

Реакция на эту команду в который раз убедила Милу, что Горан здесь котируется выше Роша.

Все сгрудились перед дверью. Борис вытащил набор отмычек и стал возиться с замком. Спустя несколько минут в замке что-то щелкнуло. Держа в другой руке пистолет, Борис толкнул железную дверь.

На первый взгляд квартира казалась нежилой.

Коридор темный, узкий. Дневного света мало, чтобы осветить его весь. Роза высветила фонариком три двери. Первые две слева, третья в глубине.

Явно запертая.

Группа двинулась вперед. Впереди Борис, за ним Роза, потом Стерн и Горан. Мила замыкала цепочку. У всех, кроме криминалиста, в руках было оружие. Миле, как «приписанной», доставать ствол было вроде не по должности, но на всякий случай она тоже обхватила пальцами рукоятку в заднем кармане джинсов. Она вошла последней.

Борис щелкнул выключателем:

– Света нет.

Поводив фонариком по первой комнате, он обнаружил, что она пуста. По стене расплзлось мокрое пятно, поднимавшееся от фундамента и, словно язва, пожиравшее штукатурку. Потолок исчертили трубы отопления и канализации. На полу скопилась лужица нечистот.

– Гадость какая! – сквозь зубы процедил Борис.

Кто может жить в таких условиях?

– Ясное дело, не было никакой любовницы, – заметила Роза.

– А что же здесь такое? – спросил Борис.

Они дошли до второй комнаты. Дверь на ржавых петлях поддавалась плохо, и за ней вполне мог притаиться злоумышленник. Борис пинком распахнул ее, но и там внутри никого не было. Комната в точности такая же, как первая. Плитки пола выбиты, под ними – бетон фундамента. Никакой мебели, только железный остов кровати. Они двинулись дальше.

Оставалось последнее помещение, в глубине коридора.

Борис поднял руку и указал Стерну и Розе встать по обеим сторонам двери. После чего молодой полицейский отступил на шаг и затем сильно ударил в дверь на уровне ручки. Дверь распахнулась, трое полицейских мгновенно выстроились на линии огня, одновременно освещая фонариками каждый угол. Никого.

Горан протиснулся сквозь них и рукой в резиновой перчатке ощупал стену. Нашел выключатель. После двух жалких всхлипов загорелась неоновая трубка на потолке, озарив комнату неверным светом. Это помещение отличалось от первых, как небо от земли. Во-первых, оно было чистым. На стенах, покрытых виниловыми обоями, никаких мокрых пятен. Пол тоже выложен плиткой, но вся плитка целая. Окон нет, но через несколько секунд включился кондиционер. Проводка тянется вдоль стен, значит ее устанавливали позже. Провода спрятаны в пластиковые контейнеры, ведущие к выключателю, который обнаружил Горан, а еще к розетке на правой стене, где стояли столик и офисное кресло. На столике – выключенный персональный компьютер.

Помимо этой обстановки, только старое кожаное кресло у противоположной стены, слева.

– Я так понимаю, Александра Бермана интересовала только эта комната, – заметил Стерн, повернувшись к Горану.

Роза шагнула вперед, к компьютеру:

– Наверняка здесь есть ответы на все интересующие нас вопросы.

Но Горан удержал ее за руку:

– Нет, лучше действовать по порядку. Сейчас мы все выйдем отсюда, чтобы не нарушить атмосферу. Стерн, звони Креппу, пускай едет сюда со своей группой собирать отпечатки. А я предупрежу Роша.

Мила заметила азартный блеск в глазах криминалиста. Похоже, он уверен, что нащупал нечто важное.

Он провел пальцами по голове, как будто приглаживая волосы, каковых не имелось. У него сохранился лишь частый ежик на затылке, переходивший в длинный конский хвост. На правом предплечье красовался красно-зеленый змей, обхвативший руку зубастой пастью. На

другой руке – похожая татуировка, еще одна виднелась на груди, под халатом. На лице – многочисленные пирсинги. Таков Крепп, эксперт-криминалист.

Слегка оторопев от его внешности, которая так не вязалась с возрастом – ему шел седьмой десяток, – Мила про себя усмехнулась: «Вот как стареют панки». Однако еще несколько лет назад Крепп был благообразным господином пожилого возраста, довольно строгим и сдержанным в поведении. И вдруг в одночасье такая перемена. Когда все удостоверились, что он вполне в здравом уме, никто больше слова не сказал про его новое обличье, поскольку в своей области Крепп был корифей.

Поблагодарив Горана за то, что в комнате ничего не тронут, Крепп тут же приступил к делу. Целый час он провел в комнате со своей командой в халатах и в масках, защищающих от токсичного состава для снятия отпечатков, потом вышел на лестничную площадку к Горану и Рошу, который успел за это время подъехать.

– Ну что, Крепп? – спросил старший инспектор.

– Это кладбище рук мне всю плешь проело, – буркнул эксперт. – Мы все еще искали на них какие-нибудь полезные отпечатки, когда раздался ваш звонок.

Горан знал, что снимать отпечатки с человеческой кожи труднее всего из-за возможного заражения и потожировых выделений, а в данном случае – из-за разложения тканей на конечности трупа.

– И парами йода обрабатывал, и специальным инструментом, и даже с помощью электрографии.

– Это что такое? – поинтересовался криминолог.

– Самый современный метод снятия отпечатков с кожи – радиография электронного излучения. Этот сволочной Альберт работает практически без отпечатков.

Мила про себя отметила, что Крепп – единственный, кто не перестал называть убийцу этим именем; остальные уже переключились на Александра Бермана.

– А здесь что, Крепп? – нетерпеливо спросил Рош, которому надоело слушать про то, что ему было без надобности.

Эксперт стянул перчатки и, не поднимая глаз, начал рассказывать о проделанной работе:

– Мы использовали нингидрин, но он не дает чистого эффекта при лазерном воздействии, поэтому я подмешал хлорид цинка. Мы сняли несколько серий отпечатков с обоев возле выключателя и с пористой ткани на столе. С компьютером сложнее: отпечатки накладываются друг на друга, тут нужен цианистый акрилат, а клавиатуру придется поместить в барокамеру и...

– После, – нетерпеливо прервал его Рош. – Нет у нас времени добывать клавиатуру на замену, а компьютер надо исследовать сейчас. Так что, все отпечатки принадлежат одному человеку?

– Да, Александру Берману.

Потрясены были все, кроме одного – того, кто уже знал ответ. Знал с того момента, когда они вступили в этот полуподвал.

– Иными словами, не было никакой Присциллы, – заключил Гавила.

При этом он не смотрел на Милу, и это задевало ее самолюбие.

– Еще одно... – продолжил свой доклад Крепп. – Кожаное кресло.

– Что? – спросила Мила, вынырнув из тишины.

Крепп взглянул на нее так, как смотрят на кого-то, прежде не замеченного. Потом обнаружил, что у нее забинтованы руки, и удивленно приподнял бровь. Мила невольно подумала, что такому чудаку не стоило смотреть на *нее* подобным образом, но она выдержала взгляд, не смутившись.

– На кресле отпечатков нет.

– Что в этом странного? – спросила Мила.

– Не знаю, – пожал плечами Крепп. – Просто везде есть, а на кресле нет.

– Ну и что? – вмешался Рош. – На всем остальном есть, нам этого довольно, чтобы обвинить его, ведь так? И если хотите знать, мне этот тип нравится все меньше.

«А должен бы – все больше, – сказала себе Мила, – раз он не оставил тебе никаких сомнений».

– Ну так что, продолжать мне анализ кресла?

– Да плюнь ты на это кресло, дай моим людям заняться компьютером.

Услыхав про «моих людей», члены группы постарались не встречаться взглядами, чтобы не прыснуть от смеха. Порой тон «железного сержанта», к которому прибегал Рош, выглядел еще нелепее, чем внешность Креппа.

Старший инспектор пошел к машине, которая ждала его в конце квартала, повторив, как обычно:

– Действуйте, ребята, я надеюсь на вас.

Когда он был уже далеко, Горан повернулся к остальным:

– Ладно, давайте поглядим, что там, в этом компьютере.

Они вновь оккупировали комнату. Стены в виниловых обоях напоминали внутренности гигантского эмбриона, и логово Александра Бермана готово было раскрыться только для них. По крайней мере, они надеялись на это. Все снова натянули резиновые перчатки. А Сара Роза уселась за компьютер – это ее епархия.

Прежде чем включить его, она вставила маленький гаджет в USB-порт. Стерн включил магнитофон, поставив его возле клавиатуры. Роза вслух комментировала все, что делает:

– Соединила компьютер Бермана с источником внешней памяти. Если ПК зависнет, гаджет мгновенно восстановит всю память.

Остальные молча стояли вокруг нее.

Она включила компьютер.

После приветствия послышался привычный гул запускающегося драйвера. Все казалось нормальным. Несколько медленно компьютер выходил из летаргического сна. Старая модель, уже снятая с производства. По очереди на экране возникали данные оперативной системы; потом они уступили место картинке рабочего стола. Ничего особенного, всего лишь голубой экран с иконками распространенных программ.

– Компьютер как у меня, – подал голос Борис.

На его реплику никто не отреагировал.

– Так. Посмотрим, что в папке документов господина Бермана.

Роза кликнула по ярлыку. Пусто. Пустыми оказались также «Изображения» и «Недавние документы».

– Ни одного текстового файла. Как странно, – заметил Горан.

– Может, он все сбрасывал по окончании каждого сеанса? – предположил Стерн.

– Если так, я их восстановлю, – уверенно заявила Роза.

Она вставила в гнездо диск и быстро загрузила программу, способную восстановить все удаленные файлы.

Компьютерная память никогда не опустошается полностью. Некоторые данные удалить практически невозможно, они остаются в памяти навечно. Миле кто-то говорил, что кремниевые микросхемы, вмонтированные в компьютер, действуют как человеческий мозг. Даже когда мы что-то забываем, у нас в голове есть группа клеток, удерживающая эту информацию и выдающая ее по мере надобности в виде если не образа, то хотя бы инстинкта. Не важно, помнит ли ребенок, когда он впервые обжегся, главное – это знание остается с ним, очистившись от всех биографических подробностей, и всякий раз предостерегает от опасности ожога.

Мила думала об этом, в который раз глядя на свои забинтованные руки. По-видимому, у нее в мозгу информация отложилась неправильно.

– Здесь ничего нет.

Сокрушенный голос Розы вернул Милу к действительности. Компьютер оказался совершенно пуст.

Впрочем, Горана это не убедило.

– А в браузере?..

– Но он не подключен к Интернету, – сообщил Борис.

Однако Сара Роза поняла, к чему ведет криминолог. Схватив мобильник, она проверила уровень сигнала сети.

– Выход есть. Можно подключиться через телефон.

Роза мигом вошла в Интернет и открыла список адресов в браузере. Собственно, адрес был только один.

– Вот куда заходил Берман.

И она показала всем ссылку:

<http://4589278497.894744525.com>

– Должно быть, это адрес засекреченного сервера.

– Это как понять? – спросил Борис.

– Ссылка просто так не откроется, надо знать пароль. Возможно, он заложен в компьютер, а если нет, нам будут вечно отказывать в доступе.

– Значит, надо соблюдать осторожность, по примеру Бермана, – сказал Горан и повернулся к Стерну. – Его сотовый у нас?

– Да, он у меня в машине вместе с его домашним компьютером.

– Ступай принеси.

Вернувшись, Стерн застал в комнате полное молчание – все с нетерпением ждали его. Он передал Розе сотовый телефон Бермана, и она подключила его к компьютеру. Связь установилась тут же, но какое-то время ушло на распознавание вызова: сервер обрабатывал данные. Затем быстро начал загрузку.

– Кажется, входим без проблем.

Все смотрели на монитор, ожидая изображения. Может быть все что угодно, думала Мила. Сильнейшее напряжение сплотило всех членов группы, как будто электрический заряд передавался от одного к другому. Казалось, в воздухе потрескивали искры.

Монитор принялся складывать пиксели, располагавшиеся на экране, словно кусочки пазла. Но сыщики так ничего и не дождались. Энергия, которая только что заполняла помещение, вмиг иссякла вместе с энтузиазмом.

Экран был черный.

– Должно быть, есть защитная система, – объявила Роза, – и она сочла наше вторжение незаконным.

– А ты замаскировала сигнал? – с тревогой спросил Борис.

– Ну конечно! – огрызнулась Роза. – Ты за дуру меня держишь? Но там, видимо, есть какой-то код или что-то в этом роде.

– Что-то типа *логина и пароля*? – спросил Горан, который тоже не понял, в чем дело.

– Что-то в этом роде, – рассеянно повторила Роза. И тут же пояснила: – Ссылка – скорей всего, для прямой связи. Логин и пароль уже не обеспечивают полной безопасности. Они оставляют следы и могут привести к пользователю. А тот, кто входил отсюда, хотел сохранить анонимность.

Мила до сих пор не произнесла ни слова, и эти разговоры ее раздражали. Она глубоко дышала и стискивала кулаки – так, что потрескивали суставы. Что-то не вписывается, но она

никак не может понять что. Горан на короткий миг повернулся к ней, как будто его уколол ее взгляд. Мила сделала вид, что ничего не заметила.

Тем временем атмосфера в комнате все накалялась. Борис решил излить свое разочарование на Сару Розу:

– Раз ты знала, что доступ могут заблокировать, почему не воспользовалась параллельной связью?

– Что ж ты мне не подсказал?

– А что бывает в таких случаях? – полюбопытствовал Горан.

– Если система находится под защитой, проникнуть в нее нельзя!

– Давайте сменим код и еще раз попробуем, – предложила Роза.

– Ну ты даешь! – взвился Борис. – Там же миллионы комбинаций!

– Да пошел ты! По-твоему, одна я во всем виновата?

Мила продолжала молча наблюдать за выяснением отношений.

– Если у кого-то были идеи или советы, надо было раньше высказываться!

– Да ты же на всех кидаешься, стоит кому-то рот открыть!

– Оставь меня в покое! Между прочим, я тоже могу...

– А это что?

Фраза Горана упала, как перегородка между спорщиками. Тон его не был ни встревоженным, ни раздраженным, как могла бы ожидать Мила, и тем не менее он вмиг заставил обоих замолчать.

Криминолог указывал на экран компьютера.

Он уже не был черным.

В верхней части, на границе левого поля, появился знак:

Ты здесь?

– Ах ты черт! – воскликнул Борис.

– Так что это? – повторил Горан. – Кто-нибудь может мне сказать?

Роза опять села перед монитором и положила руки на клавиатуру.

– Мы вошли.

Остальные склонились над ней.

Индикатор продолжал мигать, как будто в ожидании ответа, но ответа пока не было.

Это ты?

– Мне кто-нибудь объяснит, что это значит? – Горан начал терять терпение.

Роза кинулась объяснять:

– Это *дверь*.

– То есть?

– Ну, дверь, вход. Мы вошли в какую-то сложную систему. Вот диалоговое окно, *чат*, одним словом. На том конце кто-то есть.

– И хочет с нами побеседовать, – добавил Борис.

– Или с Александром Берманом, – поправила Мила.

– Так чего мы ждем? Надо отвечать! – заторопился Стерн.

Гавила посмотрел на Бориса, специалиста по коммуникациям. Молодой агент кивнул и встал прямо за спиной у Сары Розы, чтобы подсказывать ей, что писать.

– Скажи, что ты здесь.

И она написала:

Да, я здесь.

Они подождали, пока на мониторе не возникнет фраза:

тебя не было + я волновался

– Так. Раз «волновался», значит мужчина.

Борис удовлетворенно кивнул и продиктовал Саре Розе следующий ответ, но велел писать только маленькими буквами, как и собеседник, объяснив, что большие буквы иногда пугают пользователей и ни к чему настаивать незримого собеседника.

я был очень занят, а как твои дела?
задавали массу вопросов, но я не раскололся

Кто-то задавал ему вопросы? По какому поводу?

У всех, особенно у Горана, возникла мысль, что человек, с которым они беседуют, замешан в чем-то незаконном.

– Может, его допрашивала полиция, но не сочла нужным задерживать, – высказала догадку Роза.

– Или ей было достаточно доказательств, – поддержал ее Стерн.

У каждого в сознании уже сформировался образ сообщника Бермана. Мила вспомнила сцену в мотеле, когда ей показалось, что кто-то преследует ее по гравийной площадке. Она ни с кем не поделилась этим ощущением, надеясь, что это не более чем ощущение.

Борис решил спросить у таинственного собеседника:

кто задавал тебе вопросы?

Пауза.

они
кто они?

Ответа не последовало. Борис решил проигнорировать эту заминку и зайти с другой стороны:

что ты им сказал?
историю которую мне рассказал ты, и это сработало

Горана, помимо непонятного смысла фраз, тревожили орфографические ошибки.

– Это могут быть условные знаки, – объяснил он. – Он, вероятно, ждет ошибок и от нас. Если мы их не сделаем, он прервет связь.

– Он прав. Копируй правописание, вставляй в слова его ошибки, – посоветовал Розе Борис.

А на экране тем временем высветилось:

йа приготвил все как ты с-казал только с-кажи когда

Так они ничего не добьются. Борис велел Саре Розе написать, что скоро будет известно «когда», но пока надо подытожить весь план, чтобы удостовериться в его правильности.

Мила сочла это отличной идеей: они таким образом скроют свое неведение от собеседника. И тот спустя какое-то время ответил:

план выти ночью чоб никто не видел. кода будет 2 доти до конца улицы
спрятаться в кустах ждать фары машины спыхнут 3 раза тогда могу выти

Никто ничего не понял. Борис озибался, ожидая пояснений. Наконец встретил взгляд Гавилы:

– Вы что думаете, доктор?

Криминолог о чем-то размышлял.

– Не знаю. Что-то ускользает, никак не ухвачу.

– У меня такое же ощущение, – подхватил Борис. – Этот собеседник, похоже... умственно отсталый или психически неполноценный.

Горан шагнул к Борису:

– Надо выманить его.

– Как?

– Не знаю. Скажи, что не уверен в нем и думаешь отказаться от плана. Скажи, что «они» теперь и на тебя нацелились. А потом потребуй у него доказательств. Пусть позвонит по надежному номеру.

Роза быстро напечатала вопрос. Но в поле для ответа долгое время лишь мигал курсор.

Потом на экране появилась надпись:

не могу говорить по телефону они меня слушают

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.